

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ ПАТРОЛОГИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
КАЛУЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

№ 2 (10)

Калуга
2021

ББК 86.372

УДК 271.2

По благословению
Высокопреосвященнейшего Климента
митрополита Калужского и Боровского

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
№ ИС Р21-112-0277

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
КАЛУЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Главный редактор:
митрополит Калужский и Боровский Климент,
доктор ист. наук, канд. богосл., ректор Калужской духовной семинарии

Заместитель главного редактора:
епископ Тарусский Иосиф (Королёв), кандидат богословия;

Члены редакционного совета:

протоиерей Вадим Суворов, доктор богословия;

Чернобаев А. А., доктор исторических наук;

Каширина В. В., доктор филологических наук;

Петров А. С., доктор исторических наук;

Пихоя Р. Г., доктор исторических наук;

Маслов С. И., доктор педагогических наук, профессор;

Никандров Н. Д., доктор педагогических наук, профессор;

Романов В. А., доктор педагогических наук, профессор;

Исаев Е. И., доктор психологических наук, профессор;

Краснощеченко И. П., доктор психологических наук;

протоиерей Димитрий Моисеев, кандидат богословия;

иеромонах Иоанн (Король), кандидат богословия —

ответственный секретарь;

протоиерей Сергей Третьяков, кандидат богословия;

диакон Димитрий Шатов, кандидат богословия;

Волкова А. Г., кандидат филологических наук;

Бессонов В. А., кандидат исторических наук.

ISSN 2658-5278

© Калужская духовная семинария

© Калужское епархиальное управление

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Г. М.)
Противодействие святителя Феофана Затворника старообрядческому расколу во время служения на Владимирской кафедре 4

Епископ Скопинский и Шацкий Питирим (Творогов)
Три слова свт. Феофана Затворника на пятидесятницу. Эволюция проповеднического мастерства — от академической сложности к евангельской простоте 32

Иерей Евгений Игнатов
Проповеди святителя Феофана Затворника, произнесенные экспромтом 41

Абрамов А. В.
Обзор второго тома «Летописи жизни и творений святителя Феофана, Затворника Вышенского» 48

Лукьянова А. Е.
Ближний круг святителя Феофана. Новые сведения о П. С. Лукомской 60

Чудинов Д. А.
Книги из келейной библиотеки Феофана Затворника в ОР РГБ .. 82

ТРУДЫ МОЛОДЫХ БОГОСЛОВОВ

Чесноков М. А.
Учение свт. Феофана Затворника о ценности духовной жизни как вызов времени российскому обществу XIX в. 80

ХРОНИКА

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Г. М.)
Книга, дающая единую картину жизни и трудов Вышенского Затворника 97

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 118

СТАТЬИ

УДК 271.2

**Митрополит Калужский и Боровский
Климент (Г. М. Капалин)**

кандидат богословия,
доктор исторических наук

**Metropolitan of Kaluga and Borovsky
Clement (G. M. Kapalin)**

Candidate of Theology,
Doctor of Historical Sciences

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА
ЗАТВОРНИКА СТАРООБРЯДЧЕСКОМУ РАСКОЛУ ВО
ВРЕМЯ СЛУЖЕНИЯ НА ВЛАДИМИРСКОЙ КАФЕДРЕ**

**COUNTERACTION OF ST. THEOPHAN THE RECLUSE TO
THE OLD BELIEVER SCHISM DURING HIS MINISTRY AT
THE VLADIMIR PULPIT**

Аннотация. В 1863 году епископ Феофан (Говоров) прибыл на древнюю Владимирскую кафедру. Территория новой епархии была обширная, она имела большое количество приходов, монастырей и членов церковного причта. Однако больше проблем ему доставляло распространённое во Владимирской губернии старообрядчество. В данной статье на основе епархиальной официальной переписки и писем святителя Феофана рассмотрены: особенности раскола на территории епархии; степень его распространения; предпринятые святителем Феофаном меры по его преодолению; участие в противодействии расколу светской

власти; привлечение священнослужителей и мирян к противосектантской работе.

Abstract. In 1863, Bishop Theophan (Govorov) arrived at the ancient Vladimir cathedra. The territory of the new diocese was extensive, it had a large number of parishes, monasteries and members of the church clergy. However, the Old Believers, who were widespread in the Vladimir province, were more of a problem for him. In this article, on the basis of the diocesan official correspondence and letters of Saint Theophan, we consider: the features of the schism in the territory of the diocese; the extent of its spread; the measures taken by Saint Theophan to overcome it; participation in countering the schism of the secular authorities; involvement of clergy and laity in anti-sectarian work.

Ключевые слова: святитель Феофан, Владимирская епархия, раскол, старообрядцы, братство, противосектантская проповедь, миссионерская работа.

Key words: Saint Theophan, Vladimir diocese, schism, Old Believers, brotherhood, anti-sectarian sermon, missionary work.

Летом 1863 года епископ Феофан (Говоров) прибыл в город Владимир и три года управлял Владимирской епархией. Одной из основных проблем, которой ему пришлось заниматься все это время, был старообрядческий раскол. Старообрядчество в пределах епархии имело давнюю историю и широкое распространение. В этом отношении довольно показателен тот факт, что его предшественник по Владимирской кафедре епископ Иустин¹ во время объезда епархии в 1854 г. заметил иконы с запрещенным в то время двуперстием во многих храмах и домах

¹ Иустин (Михайлов; 1798–1879) — епископ, окончил Орловскую семинарию и Киевскую духовную академию; в 1850–1863 гг. был епископом Владимирским; в 1863 г. ушел на покой, пребывал в начале в Борковской пустыни, затем в Боголюбском монастыре Владимирской епархии.

клириков. Также о том, что раскол в епархии был обыденным явлением, свидетельствует отказ Владимирской консистории в рассмотрении прошения об отчислении из Православия только лишь на том основании, что прошение было подано на простой, а не гербовой бумаге [39, л. 1–1 об.; 18, л. 2]. Это возмутило святителя Феофана, и на формальное постановление консистории последовала его резолюция от 11 марта 1864 г.: «Разве заявление раскольства на простой бумаге менее достоверно, чем на гербовой?.. Дела о расколе идут у нас плохо. Никому будто дела нет» [58, с. 3].

Опасность распространения раскольнических убеждений признавалась даже светской властью. В 1865 г. в письме временно исполняющего должность губернатора П. А. Шатохина отмечалось, что «движение раскола во Владимирской губернии поколебало религиозные убеждения православных, как это видно из весьма часто повторяющихся случаев уклонения их в раскол» [26, л. 1–1 об.]. Да и сам святитель в июне 1864 г. в письме епископу Савве (Тихомирову) сокрушался, что в раскол «целыми деревнями начинают отпадать» [35, л. 3; 67, с. 510].

Как известно, с целью преодоления этой проблемы на Владимирской земле епископ Феофан лично подъял немало трудов. «Он неоднократно говорил об этом с церковной кафедры в самом Владимире, предпринимал путешествия в раскольничьи центры епархии, где также произносил поучения, в которых в самой простой и доступной форме раскрывал несостоятельность раскола как с исторической точки зрения, так и по существу» [1]. Вместе с тем, как это следует из официальных документов, в течение всего своего служения на Владимирской кафедре святитель Феофан максимально использовал административные ресурсы для защиты Православия от чуждых ему вероучений и религиозных представлений. При этом его пастырская забота была направлена преимущественно на прихожан православных храмов, в том числе и на колеблющихся в вере, а административные меры были обращены на все население губернии.

По отношению к расколу владимирская паства была неоднородной. Помимо прихожан, которые регулярно посещали богослужения и участвовали в таинствах, в числе чад Церкви состояли, иногда только формально, те христиане, которые открыто или тайно симпатизировали старообрядчеству. Также на территории Владимирской губернии действовали единоверческие приходы, в которых по старопечатным книгам служили священники, рукоположенные священноначалием Русской Православной Церкви².

На заседаниях Владимирской духовной консистории рассматривалось немало прошений об отчислении в раскол [41, л. 1–1 об.; 37, л. 1–1 об.; 39, л. 1–1 об.; 18, л. 2; 58, л. 3] или в единоверие [38, л. 1–1 об.; 40, л. 1; 43, л. 1–2; 42, л. 8–8 об.], а также рапортов священников об уклонении их прихожан в раскол [17, л. 99 об. — 100; 8, л. 1 об.; 47, л. 1]. В качестве основного признака отпадения упоминался отказ от церковных таинств: исповеди, Причащения, Крещения новорожденных и Венчания вступивших в супружество. Так, 5 марта 1864 г. епископ Феофан направил на рассмотрение консистории донесение священника погоста Георгиевского Судогодского уезда Михаила Побединского: «...Крестьяне нашего Погоста — деревни Пушшиной ...объявили мне, что у них родились в 1863 году дети... а крещены кем неизвестно, каковые крестьяне по духовным росписям значатся не бывшими у Исповеди и Св. Причастия за холодностью к вере; деревни Угрюмихи — Мефодий Алексеев и Давид Феофилактов и деревни Шипелей Иван <Лопилов> объявили себя женатыми; а где и кем венчаны — неизвестно, а по духовным росписям значатся не бывшими у Исповеди и Св. Причастия за холодностью к вере». По сему делу состоялось заседание консистории, на котором было заключено: «Сообщить Судогодскому Полицейскому Управе-

² Единоверческими при епископе Феофане были Троицкая церковь в слободе Мстере Вязниковского уезда и Никольская церковь в с. Дубасовский завод Судогодского уезда.

нию, чтобы доставило в Консисторию сведения, не значатся ли <показанными> в донесении священника Побединского крестьяне в числе записанных раскольников» [6, л. 1–1 об.].

В соответствии с законодательством Российской империи того времени приходские священники и назначенные им в помощь «увещеватели» предварительно в течение года, а иногда и более, проводили беседы с уклонившимися. Для того, чтобы работа с уклонившимися в раскол была эффективней, святитель Феофан возлагал ответственность за ее проведение на благочинных. В своем Отношении во Владимирскую духовную консисторию он пишет: «Ближайший увещатель есть местный священник, но для успешного увещания должность главных увещателей возлагается на Благочинных, которые сверх того в своем ведомстве в помощь себе обязуются избрать одного или двоих способных и благонадежных священников, желающих усердно посвятить себя сему богоугодному делу» [28, л. 11 об.; 53, л. 10–11]. Известны случаи, когда проводить беседы с раскольниками под руководством священника епископ Феофан поручал грамотным и сведущим в Священном Писании мирянам, перешедшим из раскола в Православие [51, л. 1–2 об.].

Каждый увещатель должен был направлять в консисторию рапорт о проделанной работе [7, л. 15–15 об.]. К рапорту о результатах увещаний прилагался журнал проведенных бесед, который святитель Феофан изучал лично. На одном из таких журналов 30 ноября 1864 г. епископ Феофан поставил резолюцию, которая свидетельствовала о внимательном прочтении документа: «Заметки о беседах препроводить в Семинарское Правление, для передачи читающим о расколе, — чтоб имели ввиду речи раскольников» [52, с. 24]. Только в случае полной безуспешности увещаний консистория принимала решение об отчислении из числа православных и упоминании раскольниками по церковным и гражданским документам. После утверждения этого решения епархиальным архиереем они числились «записными раскольниками» [45, л. 1–2, 3; 16, л. 18–21 об.].

Священники, служившие в единоверческих храмах, вели метрические книги своего прихода. Сведения о рождении, Крещении, браке и отпевании записных раскольников Церковью не производились («браки, не совершенные в Православной Церкви и рожденные от них дети, не крещенные православным священником, так и умершие по православному чиноположению непогребенные, не вносятся в метрические книги») [45, л. 3], они состояли на учете в полиции. Так, в одном из постановлений консистории указывалось: «Сообщить Судогодскому Полицейскому Управлению, чтобы доставило в Консисторию сведения, не значатся ли <показанными> в донесении священника Побединского крестьяне в числе записанных раскольников» [6, л. 1 об.].

На одном из таких консисторских решений святитель Феофан 1 мая 1864 г. поставил резолюцию: «Раскольнические дела вести особым журналом. Где священник найдет раскольников для увещаний. Определить и доложить» [56, л. 31 об.]. Тем самым рассмотрение вопросов по расколу было выделено в отдельное делопроизводство, что акцентировало на них внимание духовенства и консисторских служащих.

Спустя год 24 июня 1865 г. святитель Феофан утвердил подготовленные консисторией «правила касательно наблюдения за раскольниками, увещаний совратившихся в раскол и обращения с раскольниками» [28, л. 10–19 об.; 64, л. 21–22 об.; 63, л. 33–34 об.]. В нем были изложены все положения и порядок противодействия распространению раскола с указанием статей действовавшего на тот момент законодательства по данному вопросу. Святитель сформулировал цель составления «правил...» следующим образом: «В виду усилившегося распространения раскола прежде представления Святейшему Синоду об особых каких-либо мерах против него, нахожу нужным ввести в действие меры, указанные уже законами, или особыми предписаниями Святейшего Синода. Вследствие сего проектированные прежде Консисторией правила утверждаются в следующем виде: <...>» [28, л. 10]. Последняя фраза, очевидно, указывает на то, что епископ Феофан лично вносил

правки или делал замечания в ходе подготовки окончательной редакции «правил...». Более того, «правила...» были дополнены указаниями и предложениями самого епископа Феофана по данному вопросу.

Из «правил...» следует, что законом духовенству предписывалось тщательное наблюдение за поведением «записных раскольников», чтобы они не привлекали в свою религию православных и единоверцев. Если человек вырос в семье потомственных старообрядцев, он имел право исповедовать свою веру так, как он был обучен с детства. Однако привлечение в раскол из Православия или единоверия преследовалось по закону, причем исключительно государством, без участия духовенства. Священникам было воспрещено прямое обращение к любым органам власти с нареканиями в адрес раскольников. О фактах соращения в раскол и публичного привлечения раскольниками внимания к совершению своих обрядов все клирики были обязаны сообщать благочинному. Он изучал ситуацию и при наличии веских доказательств рапортовал епархиальному начальству. К властям обращался исключительно епархиальный архиерей.

Наряду с этим священники должны были в миссионерских целях проводить собеседования с уклонившимися и с уже отчисленными в раскол. В указаниях Святейшего Синода особое внимание было обращено на поведение самих священнослужителей как во время совершения богослужения и треб, так и в быту. Признавая, что «успех Православия в борьбе с расколом и успех раскола в ущерб Православию исключительно почти зависит от добрых или недобрых качеств духовенства». Наблюдение за духовенством было обязанностью благочинных. Они должны были «строго замечать, не бывают ли где сами священнослужители причиной закоснения раскольников в заблуждении, или уклонении православных в раскол, своим зорным поведением и грубым с ними обращением или небрежным отправлением церковного служения и мирских треб с торопливостью, пропусками, невнятным чтением и небла-

гоприличным пением, или светским произношением церковных стихов и песней, или наконец произвольным нарушением устава Церкви касательно постов и других ее преданий, и где ими будет усмотрено подобное неустройство, стараться прекратить, исправить, а о упорных ослушников доносить Епархиальному Начальству, под строгою ответственностью за допущение или невнимание к прекращению подобных беспорядков» [28, л. 13 об. — 14; 64, л. 21 об.; 63, л. 33 об.].

Преосвященный Феофан, в свою очередь, распорядился «сделать пересмотр духовенства в тех приходах, где есть раскольники с тем, чтобы не совсем благонадежные были немедленно заменены более благонравными, бескорыстными и способными, и доложить о сем».

Другие предложения епископа Феофана по ослаблению на территории епархии раскола и сохранению православной паствы сводились к усилению пастырской и миссионерской работы, проводимой священниками. В качестве увещателей в помощь приходскому духовенству святитель предлагал задействовать диаконов, а также прошедших обучение в семинарии членов причта и учителей местных школ (приходских, волостных и т. п.). В целях сохранения верующих в лоне Православной Церкви он предписал пастырям внимательно наблюдать за регулярным участием прихожан в таинствах, особенно исповеди и Причащения. С теми, кто не причащался год или два, надо было проводить беседы о необходимости для каждого христианина этих таинств. А о тех, кто упорно отказывался, следовало рапортовать в консисторию для наложения епитимьи [57, с. 3].

В отдаленных деревнях святитель предложил «устроить часовни с тем, чтобы в них священник с причтом по временам мог совершать возможные богослужения и всем совокупно давать приличные наставления посредством проповеди». Выяснить, в каких именно населенных пунктах необходимы часовни, а также убедить местных жителей заняться их постройкой, епископ Феофан поручил благочинным и приход-

ским священникам. О выполнении этого поручения упоминает в конце 1865 г. благочинный, священник Троицкого храма г. Вязники Василий Богородский. В его рапорте сказано: «Во исполнение секретного предписания от 30 июня, я с местным священником погоста Преображенского Иоанном Доброцветовым склонял крестьян приходской его деревни Слободищ к построению новой часовни для совершения в ней возможных Богослужений, основывая нужду и необходимость сего на том, что жители деревни Слободищ, будучи отдалены от приходского храма расстоянием около 10 верст, дозволяют себе незаконные собрания, в коих чрез чтецов-раскольников поддерживается и распространяется раскол и неправые суждения о вере и Церкви. Крестьяне, не отрицая пользы от построения часовни, на мои убеждения отозвались несостоятельностью, и на время обещались приискать удобный дом для совершения Богослужений чрез священника» [46, л. 1–1 об.].

Также святитель признавал целесообразным применение организационных мероприятий по борьбе с распространением раскола — таких как проведение по благочиниям собраний клириков для обсуждения общих мер противодействия распространению раскола применительно к местным условиям. В частности, он предлагал продумать на этих собраниях вопрос о чтении духовных книг в воскресные и праздничные дни во всех селах, независимо от наличия в них раскола, и предлагал определить «у себя правила что, где и как читать». Результаты проведения этих собраний — благочиннических советов — епископ Феофан обязал представлять ему лично для рассмотрения. Таким образом, святитель стремился наладить механизм обратной связи, желая убедиться в том, что распоряжения епархиальной власти находят отклик в приходской жизни и пастырской деятельности: «чтобы духовенство не к сведению только принимало все распоряжения относительно раскола, а занялось делом спасения заблуждающихся со всем усердием». Интересно отметить, что Смолич упоминает о появлении в этом же 1865 году благочиннических советов в дру-

гих епархиях, но в несколько ином смысле — применительно к собранию всех благочинных епархии. Святитель Феофан говорит о собрании клириков одного благочиния [60, с. 276].

К организационным мерам также относится создание пресвященным Феофаном специального комитета с той целью, «чтобы отныне дела по расколу шли успешнее и решались полнее». Комитет возглавил протоиерей Григорий Крылов — заведующий делами второго стола консистории. Этот отдел занимался сохранением и распространением православной веры, в частности — делами по расколу. В сущности, святитель Феофан усилил этот отдел консистории, назначив в помощь его главе двух преподавателей духовной семинарии по миссионерскому классу: священника Николая Флоринского и А. И. Боголюбова, а также эконома архиерейского дома иеромонаха Моисея (Сакулинского), имевшего опыт миссионерской работы, и законоучителя гимназии протоиерея Василия Богородского (Богородицкого)³.

Необходимо отметить, что помимо приверженцев старообрядчества во Владимирской губернии проживали представители ряда деструктивных сект: уже известных⁴ или появившихся недавно. Одной из таких сект, о которой стало известно при епископе Феофане, он дал название «белоризцы» [77, с. 231]. В этом Владимирская земля не отличалась от остальной страны. Во всей Российской империи в то время усиливались сектантские движения, которых было, по образному выражению святителя, «что червей в падалище» [66, с. 163].

К православным, которые начинали симпатизировать убеждениям и образу жизни сектантов, применялись увещания. Так, рассмотрев рапорт священника погоста Унжи Меленков-

Богородицкий Василий Емельянович — выпускник ВДС и СПбДА, кандидат богословия; в 1839–1842 гг. преподаватель ВДС; в 1842 г. рукоположен во священника и назначен законоучителем гимназии.

В «правилах...» есть пояснение, что под раскольниками «недолжны быть разумеемы молокане, жидовствующие и секты изуверные, каковы — хлысты, скопцы, бегуны или странствующие» [64, л. 22 об.; 63, л. 34 об.]

ского уезда Иоанна Сергиевского, в котором сообщалось о появлении приверженцев молоканской секты среди его прихожан, Владимирская консистория 18 декабря 1864 г. постановила «предписать благочинному, чтобы он с приходским священником... при депутатах от Волостного Правления, А, предварительно составив программу увещаний крестьянам деревни Копниной, упоминаемой в рапорте, преподали увещание об оставлении <от слепого> учения молоканского, основательно объяснили им, сколь спасительно следовать преданиями Церкви. Б, после увещания с помещением вопросов и ответов увещателя составили за общим подписом журнал, и с приложением его о последствии своих увещаний доложили Епархиальному Начальству» [54, л. 3–4].

Однако с адептами деструктивных религиозных организаций беседы проводились уже в местах лишения свободы, поскольку, в отличие от старообрядчества, сектанство строго преследовалось государством. Обращаясь 27 марта 1865 г. к временно исполняющему должность владимирского губернатора П. А. Шатохину, епископ Феофан подчеркивал: «Предварительно, предоставляете мне по настоящему делу распорядиться, назначением и советами над совращенными силы духовных увещаний к оставлению заблуждений. Тогда как хлысты, коих действия совершенно не сходны с действиями обыкновенных старообрядцев, не относятся к раскольникам, а к сектам» [75, л. 8 об.].

Вообще, вся официальная переписка с властями, направленная на ограждение православных от влияния проповедников раскола и сектантов, представляет собой еще один административный ресурс, который использовал святитель Феофан в период управления Владимирской епархией. Негативную роль на результативность его запросов и обращений оказала неоднократная смена главы губернии. За 3 года служения святителя на Владимирской земле пост губернатора поочередно занимали генерал-майор А. П. Самсонов (1861–1865), действительный статский советник П. А. Шатохин (1865–1866) и

генерал-лейтенант В. Н. Струков (1866–1875). Частая замена губернского начальства иногда требовала повторных обращений архиерея по одному и тому же вопросу, решение некоторых дел откладывалось, порой в консисторию приходили формальные отписки. Тем не менее, изучение переписки преосвященного Феофана с Владимирскими губернаторами раскрывает, с одной стороны, многообразие и серьезность проблемы распространения среди жителей губернии раскола и сектантства, а с другой — равнодушное отношение к ней святителя Феофана и его ревностную заботу о своей пастве.

Например, 6 июня 1864 г. епископ Феофан обратился с официальным письмом к Владимирскому губернатору П. В. Сафонову, в котором просил его «о произведении формального следствия о совращении кр^естьянином Михаилом[»] Фоминым православных в раскол и в дальнейшем ходе этого дела поступить установленным в законе порядке» [71, л. 4 об.]. В следующем месяце, рассмотрев журнал консистории от 29 июля о мерах противодействия раскольникам «перекрещенской секты» [55, л. 1–1 об.] в распространении их религиозной литературы среди прихожан храма в честь святого Иоанна Предтечи в с. Ивановское-Ухтомское Александровского уезда, святитель дал распоряжение «просить содействия Начальника губернии к прекращению соблазнительной раздачи книг раскольнических» [19, л. 2; 76, л. 3–4].

Вскоре после этого, узнав о том, что судебный следователь Муромского уезда более года задерживает проведение следствия об уклонении в раскол нескольких крестьянских семей, преосвященный Феофан поручил консистории: «...просить от моего лица Г[»]осподина Начальника Губернии о понуждении следователя» [22, л. 24 об.]. Данное поручение было выполнено 31 августа 1864 г.⁵ В этот же день на имя губернатора по-

⁵ Из текста письма следует, что Муромский уездный суд дважды, а именно — 13 ноября 1863 г. и 18 июля 1864 г., уведомлял Владимирскую консисторию о нахождении данного дела на рассмотрении у следователя с 25 февраля 1863 г. [73, л. 25]

следовало еще одно обращение, в котором указаны, помимо упомянутого, еще семь находящихся в производстве у следователя дел об уклонении в раскол православных жителей Муромского уезда [31, л. 1–2]. Просьбы о возбуждении следствия были направлены еще в 1862–1863 гг. предшественником святителя Феофана епископом Иустином. Во втором письме святитель подчеркивал, что «медленность эта, по моему мнению, как для лиц состоящих за уклонение в раскол под судом, так и еще более для их соседей, нетвердых в православии, может служить сильным убеждением в том, что будто правительство, как и все, вновь уклоняющиеся из Православия в раскол лица начали уже в прошениях к Епархиальному Начальству выражаться, за веру их, какую бы кто для себя ни избрал, ныне совершенно не вступается. В отвращение такой весьма вредной по последствиям для православия медленности в производстве следствий по делам раскола, я необходимо нужным нашел покорнейше просить Ваше Превосходительство принять зависящие от Вас меры к понуждению судебного следователя Муромского уезда к скорейшему окончанию по вышеупомянутым делам следствий, — и о последующем меня уведомить» [31, л. 2].

В связи с этим необходимо сказать, что существенным фактором активизации проповеди раскола и сектантства среди православных во время пребывания епископа Феофана на Владимирской кафедре была общественно-политическая обстановка, которая в то время определялась многосторонним реформированием внутренней жизни страны. Отмена крепостного права и преобразование судебной системы породили в среде раскольников слухи о царском указе, которым будто бы разрешалось открытое исповедание старообрядчества. Весной 1864 г. вследствие донесения священника Алексея Загорского, служившего в с. Дощато-Железницкий завод Меленковского уезда, епископ Феофан поручил консистории выяснить, «не ходит ли и в других местах ложная мысль о Царском указе, разрешающем всякие разноверия» [5, л. 1–1 об.]. Принятое

консисторией решение по этому вопросу (поручить изучение данного вопроса благочинным) святитель дополнил поручением обратиться к гражданским властям с просьбой, «чтобы сделано было распоряжение о пресечении ложной мысли о Царском указе» [9, л. 2].

Еще один из аспектов угрозы усиления раскола связан с влиятельными представителями старообрядчества. Они использовали свой авторитет и денежные средства не только на поддержку своих общин, но и на распространение религиозных представлений среди православных. Так, о крестьянине деревни Коточигово Шуйского уезда Д. Г. Давыдове было сказано, что «случай к совращению в раскол жителей своей деревни он имеет весьма удобный, — они работают на него, то ткут для него <нрзб.>, то набивают ситец на его заведении» [11, л. 19 об.]. В другом документе отмечалось, что «крестьяне деревни Фурова, видимо, скрывают действия раскольников, частью потому, что сами расположены к расколу, частью по зависимости от капиталистов — сибирских купцов, — покровителей раскола; так как некоторые из этих купцов сами родом из Фурова, а у некоторых здешние фуровские молодые люди находятся в служении» [15, л. 25 об.].

Свою озабоченность подобными фактами святитель выражал в официальных обращениях к светским властям. В письме Владимирскому губернатору В. Н. Струкову от 12 июля 1866 г. епископ Феофан с горечью признавал: «Увещевать с успехом крестьян деревни Ильиной возможно будет только тогда, когда купцы Першины будут насколько-нибудь ограничены в своих соблазнительных действиях, как то: в держании посторонних расколуучителей, в явном совершении богослужения в своем доме, куда приглашаются их агентами все — и раскольники, и православные. В противном случае язва раскола распространится <и> заразит всех, живущих в оной деревне» [29, л. 5–5 об.].

Закон допускал занимать должности в местных органах власти старообрядцам. Злоупотребление этим правом в целях

утверждения раскола в ущерб Православию также вызывало протесты святителя. Например, в слободе Мстере Вязниковского уезда расколу содействовал местный волостной старшина Василий Сеньков [50, л. 140], а его помощник Яков Шишаков был сыном проживавшего в этом же селе «коновода Петра Шишакова, раскольника поморской секты» [49, л. 58–58 об.]. Неудивительно, что на имя епископа Феофана поступали жалобы и нарекания в адрес Мстерского волостного правления за притеснения православных.

Показателен в этом аспекте и тот факт, что поданные Мстерским правлением списки старообрядцев в уездное Вязниковское полицейское управление были утверждены без согласования с Владимирской духовной консисторией и местным духовенством. В рапорте благочинного, священника слободы Мстеры Онисима Вишневецкого, от 9 марта 1866 г. [49, л. 58–63 об.] сказано, что в эти списки были внесены отдельные члены Православной Церкви, а действия полицейского управления признаны им незаконными. По этой причине святитель не всегда доверял сведениям, которые поступали из государственных органов, и поручал дополнительно «спросить священника, точно ли принадлежат к отчисленным» [20, л. 97].

Подобная связь лиц, задействованных в уездных государственных органах контроля над старообрядцами, и местной власти, симпатизировавшей расколу, прослеживается и в переписке архипастыря с губернатором П. А. Шатохиным. В ответ на просьбу преосвященного Феофана от 13 сентября 1865 г. провести расследование действий Верхозерского волостного старшины В. Г. Назарова по фактам его попустительства раскольникам, было проведено лишь частное дознание через Меленковского уездного исправника [69, л. 7–7 об.; 33, л. 8–8 об.]. В итоге несмотря на то, что были проверены далеко не все обвинения в адрес старшины, он был полностью оправдан и оставлен в своей должности [70, л. 9–9 об.].

О том, насколько важна была помощь властей в противодействии распространению раскола, свидетельствует письмо

преосвященного Феофана от 28 августа 1865 г., в котором со слов благочинного сообщалось, что «деревни Чижева крестьянин Евмений Матвеев вследствие содействия Гражданского начальства, от распространения раскола несколько себя удерживает, а по случаю отобрания 29 июня сего года из его моленной Шуйским полицейским управлением множества икон, книг, свеч восковых, паникадил и подсвечников, все вообще раскольники начинают убеждаться, что свобода вероисповедания, проповедуемая им Матвеевым, неосновательна» [30, л. 13–13 об.].

Из Владимирских губернаторов наибольшую озабоченность усилением влияния старообрядцев среди православного населения губернии проявлял П. А. Шатохин. Об этом, в частности, свидетельствует его отношение на имя преосвященного Феофана, в котором сообщается о принятых со стороны гражданской власти мерах и признается необходимость совместных с духовенством епархии действий, особенно в тех районах, где проживает смешанное население старообрядцев и православных. Также в этом письме П. А. Шатохин просит епископа Феофана «сделать по вверенной Вам епархии распоряжение, чтобы православные священники, не выходя из круга действий чисто духовных, приняли бы меры духовных увещаний и наставлений над лицами, кои поколеблены в Православной вере, влиянием движения раскола» [26, л. 1–1 об.]. Вследствие этого письма 24 мая 1865 г. святитель Феофан предписал консистории «сделать соответственно сему с своей стороны распоряжение, и об нем изготовить уведомление Г. Начальнику Губернии. Поспешить» [26, л. 1]. Сравнивая числа данной резолюции святителя и выход 24 июня того же года «Правил касательно наблюдения за раскольниками, увещаний совратившихся в раскол и обращения с раскольниками», о которых речь шла выше, можно предположить, что письмо губернатора было если не основной, то одной из причин разработки подробных инструкций для духовенства епархии.

Помимо личных и общепархиальных мер, а также сотру-

ничества с гражданскими властями в целях противодействия распространению раскола на Владимирской земле святитель Феофан всячески способствовал развитию миссионерства, направленного на укрепление православной веры в народе и возвращение в Церковь отпавших.

В 1866 г. 18 апреля епископ Феофан направил в Святейший Синод представление об открытии миссионерского монастыря [68, л. 8–8 об.] на базе упраздненной Муромской Николо-Волосовой мужской обители. По мысли святителя, насельниками монастыря станут те, кто захочет «посвятить свои дарования и труды на собеседование с раскольниками в защиту Православия и на увещание уклоняющихся в раскол».

Идея создания миссионерского монастыря по примеру Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря Московской епархии была изложена осенью 1865 г. послушником Петром Андреевым из Свято-Троицкого Николаевского монастыря в г. Гороховец. Он предлагал «для утверждения в Православии колеблющихся христиан и для сближения с Православием заблудших раскольников» совершать в обители «богослужения по уставу Церковному столпового распева» [44, л. 1–1 об.; 14, л. 2 об.], а также открыть общедоступную библиотеку и комнату для бесед с раскольниками по воскресным и праздничным дням.

Святитель Феофан поддержал эту идею и 14 декабря 1865 г. представил свои предложения по ее осуществлению [27, л. 4–4 об.]. В частности, предполагалось, что братию составят не более семи добровольцев из монашествующих, овдовевших священников «испытанного благонравия» и выпускников семинарии. Монастырское богослужение будет совершаться «по древле-церковному уставу, с обиходным пением». В миссионерских целях — «для справок», насельникам монастыря разрешалось «брать под расписку раскольнические книги из семинарской библиотеки». В непрременную обязанность всей братии ставилось: во все воскресные и праздничные дни поочередно произносить поучения для народа, «направленные против раскола»;

проводить собеседования в специально отведенных для этого помещениях, куда «приглашать раскольников и колеблющихся в Православии»; а также вести журналы о своих действиях и ежемесячно представлять их Владимирскому архиерею⁶. Епархиальное начальство могло направлять членов братии в помощь благочинным и приходским священникам для увещания уклонившихся в раскол.

В 1864 г. уроки по расколу были введены в общую учебную программу высшего отделения семинарии [25, с. 311]. Это также было сделано в миссионерских целях. В результате все выпускники Владимирской духовной школы начали приобретать знания, необходимые для служения в приходах, где бок о бок с православными проживали старообрядцы. А таких приходов во Владимирской епархии было немало.

Летом этого же года епископ Феофан командировал эконома и духовника архиерейского дома иеромонаха Моисея (Сакулинского) в Москву для работы в Патриаршей библиотеке. Там он должен был предварительно изучить древние книги, чтобы по ним подтвердить уклоняющимся в раскол правильность богослужения Православной Церкви: употребления, «например, имени Господа Иисуса, аллилуиа трижды...» [35, л. 2; 67, с. 509]. При условии, что будут найдены таковые указания в старопечатных и рукописных книгах, изготовленных до реформы Патриарха Никона, уклоняющиеся в раскол пообещали иеромонаху Моисею вернуться в Православие. Иеромонах Моисей был одним из первых миссионеров, к словам которого стали прислушиваться сторонники старообрядчества.

Миссионерскую направленность имело созданное по благословению святителя Феофана Богоявленское братство в слободе Мстере Вязниковского уезда, где проживали старообряд-

⁶ Подобная форма отчетности для миссионеров существовала и в других епархиях Русской Церкви (См. п. 57 «Наставления священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру» [24, с. 93].

цы разных толков: поморского согласия, Роговского кладбища и Спасова согласия.

Предпосылкой его основания послужил указ Святейшего Синода от 31 июля 1864 г. о создании в епархиях православных церковных братств «для служения нуждам и пользам Православной Церкви, для противодействия посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников, для создания и украшения Православных храмов, для дел христианской благотворительности, для распространения и утверждения духовного просвещения» [65, л. 43–43 об.; 62, л. 145–145 об.]. Увидев в этом указе еще одну возможность противодействия расколу, епископ Феофан 27 августа 1864 г. дал поручение «объявить по всей епархии с приглашением заводить сии братства, особенно в местах, полных раскола» [65, л. 43], а также «отнестись от моего лица к Г. Начальнику губернии с покорнейшим прошением о содействии учреждения сих братств с его стороны» [13, л. 53].

Спустя неделю, 3 сентября у епархиального архиерея на рассмотрении было прошение об открытии церковного братства в слободе Мстере Вязниковского уезда. Мстерское Богоявленское братство было первым, а возможно, и единственным учрежденным при епископе Феофане церковным учреждением этого рода. Его инициатором выступил местный житель — крестьянин Александр Кузьмич Голышев, бывший крепостной графа Панина. Шестидесятилетний потомственный иконописец, земской писарь, отстраненный по проискам раскольников от должности бурмистра (волостного старшины) [34, с. 33], к тому времени он уже 20 лет вел в селе книжную и иконную торговлю. В 1862 г. он открыл для односельчан библиотеку и две бесплатные школы: воскресную и рисовальную [23, с. 193]. Насколько была важна его личность в деятельности братства, красноречиво свидетельствует тот факт, что после его смерти в 1876 г. братство прекратило свое существование в течение года.

На прошении А. К. Голикова: «Соревнуя Православию, и

убеждая опытно много лет в раскольнических неправильных действиях против Православной Церкви, в предотвращение их злоупотреблений на будущее время и к служению нуждам и пользам Православной Церкви и бедствующим ее сынам, я имею желание на основании Высочайше утвержденных в 8-й день мая сего 1864 года основных правил для учреждения православных церковных братств, учредить общество православного церковного братства в слободе Мстере при церкви Богоявления Господня, и покорнейше прошу Ваше Преосвященство, если не окажется препятствий благословить и дозволить мне означенное братство открыть», — святитель Феофан нанес резолюцию: «Немедля рассмотреть все и заготовить отношение к Г. Начальнику Губернии. При сем Проект» [36, л. 66–67 об.; 74, л. 71–72].

В результате Богоявленское братство было учреждено в короткий срок — 14 октября того же года уже состоялось его торжественное открытие. По этому случаю в слободу Мстеру прибыл духовник и и. о. эконома архиерейского дома — иеромонах Моисей. Он доставил от епископа Феофана икону Покрова Пресвятой Богородицы, благословение братству и благодарственное письмо его учредителю. Как почетный попечитель братства святитель Феофан внимательно относился к деятельности братства, оказывая ему всемерное содействие: духовную, финансовую и административную поддержку.

Например, рассматривая дело об ограждении членов семьи крестьянина Петра Батина от принуждения с его стороны перейти в единоверческий приход, Владимирская духовная консистория 26 марта 1865 г. постановила «предписать Благочинному, чтобы он с объяснением показаний жены Петра Батина и сына его Егора предложил Мстерскому церковному братству, не примут ли каких мер к ограждению их от насилия Петра Батина, и не изыщут ли каких способов к содержанию их в случае, если означенный крестьянин Батин по своему упорству откажется доставлять им содержание» [12, л. 14]. Однако святитель Феофан не утвердил это решение, разграничив полномочия

братства и государственных органов власти. «Братству поручить сего не <след[ует]> — писал он в резолюции, — ограждать православных от насилия раскольников дело — гражданской власти, к коей и отнестись» [12, л. 14–14 об.].

Кроме того, в слободу Мстеру святитель направил выпускника семинарии Иоанна Успенского, имевшего к тому времени пятилетний опыт обучения детей. Он был назначен законоучителем в сельскую школу и преподавателем в приходское училище слободы Мстеры, произносил проповеди в двух мстерских храмах: Богоявленском и Троицком (единоверческом), а также беседы с пожелавшими перейти в раскол, т. е. был увещавателем [10, л. 26–28, 30].

При содействии православного братства в приходское училище были приобретены учебные пособия и наглядный материал, а учителем И. Успенским — дополнительная мебель, поскольку за пять месяцев его преподавания количество учащихся увеличилось почти 3 раза [50, л. 139 об.]. Однако он и другие члены братства терпели ожесточенное сопротивление и нападки со стороны зажиточных старообрядцев и представлявших их интересы представителей сельской власти, о чем свидетельствуют письма на имя епископа Феофана от руководителей братства и от иеромонаха Моисея [50, л. 139–146; 3, л. 148–51].

Тем не менее, усилия преосвященного Феофана по созданию антираскольнического центра во Владимирской епархии не были безрезультатными. Из единоверия в Православие переходили целые семьи, проживавшие в с. Мстере [2, л. 1, 2; 4, л. 3–4 об.]. Силами православного братства 22 июля 1866 г. было открыто женское училище, организованное по благословению епископа Феофана [61, с. 270]. Таким образом, опыт поддерживаемого святителем Богоявленского братства был полезным для Церкви.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Георгий (Тертышников), архимандрит. Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении* // <https://coollib.com/b/252880-georgiy-tertyishnikov-svyatitel-feofan-zatvornik-i-ego-uchenie-o-spasenii/read>

2. Доклад исполняющего должность эконома Владимирского Архиерейского дома иеромонаха Моисея // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2435. Л. 1, 2.

3. Докладная записка эконома Владимирского Архиерейского дома, члена Богоявленного Православного братства в слободе Мстера Владимирской губернии иеромонаха Моисея от 1 июня 1865 г. // АРПМА. Ф. свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 39. Ед. хр. 4009. Л. 148–151.

4. Донесение послушника Владимирского Архиерейского дома миссионера Ивана Успенского // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2435. Л. 3–4 об.

5. Донесение священника Доцато-Железницкого завода Меленковского уезда Алексея Загорского // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2363. Л. 1–1 об.

6. Донесение священника Погоста Георгиевского в Славцове Михаила Побединского // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2365. Л. 1–1 об.

7. Донесение священника села Михалева Ковровского уезда Петра Елпидиского от 2 сентября 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2356. Л. 15–15 об.

8. Донесение священника села Михалева Ковровского уезда Петра Елпидиского от 4 января 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2356. Л. 1 об.

9. Журнал Владимирской духовной консистории от 10 апреля 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2363. Л. 2.

10. Журнал Владимирской духовной консистории от 10 ноября 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2340. Л. 30.

11. Журнал Владимирской духовной консистории от 18 марта 1866 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2355. Л. 18–21.

12. Журнал Владимирской духовной консистории от 26 марта 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2337. Л. 14–14 об.

13. Журнал Владимирской духовной консистории от 27 августа 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2244. Л. 53.

14. Журнал Владимирской духовной консистории от 29 октября 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2408. Л. 2 об.

15. Журнал Владимирской духовной консистории от 30 июля 1863 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2240. Л. 19–28 об.

16. Журнал Владимирской духовной консистории от 30 мая 1866 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2453. Л. 18–21 об.

17. Журнал Владимирской духовной консистории от 31 августа 1864 г. по делу об уклонении в раскол крестьянина деревни Купреева Ивана Васильева с семейством и о незаконном повенчании крестьянина деревни Яслева Евдокима Козьмина // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 2245. Л. 99 об. — 100.

18. Журнал Владимирской духовной консистории от 18 марта 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2358. Л. 2.

19. Журнал Владимирской духовной семинарии от 29 мая 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 3. Ед. хр. 817. Л. 2.

20. Журналы Владимирской духовной консистории от 31 августа 1864 г. о незаконном повенчании крестьянина села Нового Степана Сидорова с Анной Ивановой // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 2245. Л. 97.

21. Журналы заседаний собеседований со старообрядцами, начатых с 29 августа 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2340. Л. 27–28.

22. Заключение Владимирской Духовной Консистории от 14 августа 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2195. Л. 24–24 об.

23. Заметка по поводу учреждения церковного братства в слободе Мстере // ВЕВ. 1865. № 3. 1 февр. Неофиц. С. 191–196.

24. *Иннокентий, митрополит Московский, святитель*. Наставления священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру // Собрание сочинений и писем в 7 томах. Т. 3. М., 2012. 629 с.

25. *Малицкий Н. В.* История Владимирской духовной семинарии / Сост. Н. Малицкий. Вып. 1. — М.: печ. А. И. Снегиревой, 1900–1902. — 3 т.; 25. [1814–1869] — 1902 — 445. С.

26. Отношение Владимирского губернатора Платона Александровича Шатохина от 19 мая 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2439. Л. 1–1 об.

27. Отношение епископа Владимирского и Суздальского Феофана во Владимирскую духовную консисторию от 14 декабря 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2408. Л. 4–4 об.

28. Отношение епископа Владимирского и Суздальского Феофана во Владимирскую духовную консисторию от 24 июня 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2439. Л. 10–19 об.

29. Отношение епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Владимиру Николаевичу Урусову от 12 июля 1866 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Ед. хр. 1212. Л. 4–5 об.

30. Отношение епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Платону Александровичу Шатохину от 28 августа 1863 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 1409. Л. 13–13 об.

31. Отношение епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Александру Петровичу Самсонову от 31 августа 1864 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 935. Л. 1–2.

32. Отношение епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Платону Александровичу Шатохину от 13 сентября 1865 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Ед. хр. 1154. Л. 5–6.

33. Отношение епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Платону Александровичу Шатохину от 24 января 1866 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Ед. хр. 1154. 8–8 об.

34. *Пиголицына Ф. В.* Мстерский летописец. Верхневолжское издательство. Ярославль, 1991. 332 с.

35. Письмо епископа Владимирского и Суздальского Феофана к епископу Савве (Тихомирову) от 7 июня 1864 г. // НИОР РГБ. Ф. 262. К. 44. Ед. хр. 17. Л. 2–3.

36. Прошение временно обязанного крестьянина Слободы

Мстеры Вязниковского уезда Владимирской губернии Александра Косьмича Гольшева // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2244. Л. 66–67 об.

37. Прошение крестьян деревни Посошной Меленковского уезда Прохора Варфоломеева, Василия Савельева и Афанасия Агеева от 12 июня 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2349. 1–1 об.

38. Прошение крестьян деревни Тимошиной Меленковского уезда Еремея Трифонова и Агапа Иудина с прочими // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2336. Л. 1–1 об.

39. Прошение крестьян села Синжан и деревни Даниловой от 26 февраля 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2358. Л. 1–1 об.

40. Прошение крестьянина села Барского Татарова Петра Егорова Батина от 2 марта 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2337. Л. 1.

41. Прошение крестьян слободы Мстеры Вязниковского уезда, содержащих старообрядческий раскол // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2340. Л. 1–1 об.

42. Прошение крестьянина села Дунилова Шуйского уезда Ивана Кокина от 8 января 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2339. Л. 8–8 об. и др.

43. Прошение крестьянки села Мордовского Вязниковского уезда Надежды Иудиной от 15 февраля 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2338. Л. 1–2.

44. Прошение послушника Гороховского Николаевского монастыря Петра Андреева от 23 октября 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2408. Л. 1–1 об.

45. Прошение старообрядцев Меленковского уезда от 22 декабря 1864 г., Журнал Владимирской духовной консистории от 27 января 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2458. Л. 1–2, 3.

46. Рапорт благочинного города Вязников священника Троицкой церкви Василия Богородского и Журнал Владимирской духовной консистории от 30 июня // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2463. Л. 1–1 об.

47. Рапорт благочинного Меленковского уезда, священни-

ка села Бутылиц Феодора Веселовского от 13 марта 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2366. Л. 1.

48. Рапорт благочинного Слободы Мстеры Вязниковского уезда священника Онисима Вишневецкого от 26 октября 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2340. Л. 26–26 об.

49. Рапорт благочинного Слободы Мстеры Вязниковского уезда священника Онисима Вишневецкого от 9 марта 1866 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2340. Л. 58–63 об.

50. Рапорт Богоявленского Православного братства в слободе Мстера Владимирской губернии от 30 апреля 1865 г. // АРП-МА. Ф. свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 39. Ед. хр. 4009. Л. 139–146.

51. Рапорт и прошение священника села Шиморского Алексея Спесивцева от 15 июня 1866 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2544. Л. 1–2 об.

52. Рапорт исполняющего должность благочинного города Коврова священника церкви Рождества Христова Алексея Радугина // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2348. Л. 24–24 об.

53. Рапорт священника Мелешина Вязниковского уезда Алексея Делекторского от 24 февраля 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2240. Л. 10–11.

54. Рапорт священника Погоста Унжи Иоанна Сергиевского от 4 декабря 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2354. Л. 3–4.

55. Рапорт священника Предтеченской церкви села Ивановского Ухтомского Александровского уезда Дмитрия Лебедева от 15 мая 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 3. Ед. хр. 817. Л. 1–1 об.

56. Рапорт священника села Кулеберьево Шуйского уезда Стефана Снегирева от 26 марта 1864 года // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2010. Л. 31–31 об.

57. Распоряжения Владимирского Епархиального начальства // ВЕВ. 1865. № 1. 1 января. Офиц. С. 3.

58. Резолюция епископа Феофана на журнале Владимирский духовной консистории // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2358. Л. 3.

59. Слова к Владимирской пастве преосвященного Феофана. Владимир, 1869. 684 с.

60. Смолич И. К. История Русской Церкви, 1700–1917. Ч. I. 800 с.

61. Торжественное открытие женского училища в слободе Мстере, Вязниковского уезда, Владимирской губернии, Бого-явленским Праославным братством 22 июля 1866 года // ВГВ. 1866. № 33, 13 авг. Неофиц. С. 270.

62. Указ Владимирской духовной консистории настоятелю Муромского Благовещенского монастыря архимандриту Алексию о правилах организации Православных братств от 28 августа 1864 г. // ГАВО. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 145–145 об.

63. Указ Владимирской духовной консистории от 30 июня 1865 г. // ГАВО. Ф. 590. Оп. 1. Ед. хр. 512. Л. 33–34 об.

64. Указ Владимирской духовной консистории от 30 июня 1865 г. // ГАВО. Ф. 864. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 21–22 об.

65. Указ Святейшего Правительствующего Синода епископу Владимирскому и Суздальскому Феофану от 31 июля 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2244. Л. 43–43 об.

66. Феофан Затворник, святитель. Собрание писем. — М.: Типолитограф. И. Ефимова, 1900. Вып. VII. № 1155. 256 с.

67. Феофан Затворник, святитель. Творения. Собрание писем: Из неопубликованного. М., 2001. 654 с.

68. Черновик донесения Епископа Владимирского и Суздальского Феофана в Святейший Правительствующий Синод от 18 апреля 1866 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2408. Л. 8–8 об.

69. Черновик отношения Владимирского губернатора Платона Александровича Шатохина к епископу Владимирскому и Суздальскому Феофану от 18 декабря 1865 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп.11. Ед. хр. 1154. Л. 7–7 об.

70. Черновик отношения Владимирского губернатора Платона Александровича Шатохина к епископу Владимирскому и Суздальскому Феофану от 25 февраля 1866 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп.11. Ед. хр. 1154. Л. 9–9 об.

71. Черновик отношения Владимирского губернатора Платона Васильевича Сафонова к епископу Владимирскому и Суздальскому Феофану // ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 947. Л. 4 об.

72. Черновик отношения епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Платону Александровичу Шатохину от 24 августа 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2240. Л. 30–32 об.

73. Черновик отношения епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Александру Петровичу Самсонову от 31 августа 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2195. Л. 25.

74. Черновик отношения епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Александру Петровичу Самсонову от 24 сентября 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2244. Л. 71–72.

75. Черновик отношения епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Платону Александровичу Шатохину от 31 марта 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2397. Л. 8 об.

76. Черновик отношения на имя губернатора Александра Петровича Самсонова // ГАВО. Ф. 556. Оп. 3. Ед. хр. 817. Л. 3–4.

77. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1891 г. т. V. 494 с.

УДК 251

Епископ Скопинский и Шацкий
Питирим (Творогов)

Bishop of Skopin and Shatsky
Pitirim (Tvorogov)

ТРИ СЛОВА СВТ. ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА
НА ПЯТИДЕСЯТНИЦУ. ЭВОЛЮЦИЯ ПРОПОВЕДНИЧЕ-
СКОГО МАСТЕРСТВА — ОТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
СЛОЖНОСТИ К ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРОСТОТЕ

THREE WORDS OF ST. THEOPHAN THE RECLUSE ON
PENTECOST. THE EVOLUTION OF PREACHING SKILLS —
FROM ACADEMIC COMPLEXITY TO EVANGELICAL
SIMPLICITY

Аннотация. Святитель Феофан Затворник прославился как яркий проповедник. Автор данной статьи, обращаясь к анализу стилистики гомилетического творчества свт. Феофана, прослеживает эволюцию его проповеднической деятельности. Делается вывод о постепенном становлении свт. Феофана как оригинального богослова и проповедника.

Abstract. Saint Theophan the Recluse became famous as a brilliant preacher. The author of this article, applying to stylistic analysis of the homiletic creativity of St. Theophan, traces the evolution of his preaching activity. The author makes a conclusion of gradual formation of St. Theophan the Recluse as original theologian and preacher.

Ключевые слова: святитель Феофан, проповедь, гомилетика, рассуждение, Священное Писание, стилистика, слово.

Key words: St. Theophan, sermon, homiletics, reasoning, Holy Scripture, stylistics, word.

Святитель Феофан Затворник оставил нам, своим потомкам, огромное духовное наследие, среди которого особо выделяется корпус проповедей — основы всего многожанрового творчества Вышенского Затворника. Талант проповедника обнаружился у будущего святителя еще в годы ученичества в Ливенском духовном училище (1823–1829), затем получил развитие в Орловской духовной семинарии (1829–1837) и Киевской духовной академии (1837–1841). По окончании духовных школ молодой ученый иеромонах Феофан (Говоров) по благословению священноначалия вступает на педагогическую стезю. Распоряжением Святейшего Синода он был определен смотрителем, то есть ректором, Киево-Софийских училищ [3, Л. 12–14]. А с 1843 по 1844 год по ходатайству митрополита Филарета (Амфитеатрова) Св. Синод назначает иеромонаха Феофана на должность инспектора и наставника Новгородской духовной семинарии. В октябре 1844 г. состоялся перевод иеромонаха Феофана в Санкт-Петербургскую духовную академию на должность бакалавра нравственного богословия. Три выпуска Санкт-Петербургской духовной академии — XVI (1845), XVII (1847) и XVIII (1849) — застали будущего святителя в составе своих преподавателей. Педагогическую деятельность молодой пастырь, несмотря на частые перемены места служения, умело совмещал с проповеднической. С 1847 г. по 1854 г. иеромонах Феофан несет служение в составе Русской духовной миссии в Иерусалиме. В этот период он как ученый открывал для себя и исследовал богатейшее духовное наследие православного Востока. Много времени посвящал изучению языков — греческого, как книжного, так и разговорного, французского, арабского; увлекся иконописью, переводами древних текстов. Проповедническая деятельность этого периода если и была, то осталась под спудом, — ни письменных, ни устных свидетельств до нас не дошло.

В апреле 1855 г. за труды в Русской духовной миссии в Иерусалиме иеромонах Феофан был определен в должность бакалавра церковного законоведения при Санкт-Петербургской ду-

ховной академии и возведен в сан архимандрита. Собственно, с этого времени мы и начнем анализ обозначенных темой нашего доклада проповедей. Как проповедник, обладающий богатым багажом знаний, архим. Феофан уже полностью сформировался.

15 мая 1855 г. архимандрит Феофан произнес «Слово в день Сошествия Святого Духа» [4, с. 165–176]. Эта вдохновенная проповедь отличается обширным цитированием Священного Писания (Евангелие (Ин. и Мф.) цитируется 6 раз, Апостол — 39, Ветхий Завет (Иез. и Пс.) — 6). При этом еще трижды цитируется богослужебный текст. Такая загроможденность цитатами, с одной стороны, придает проповеди высокий стиль, а с другой, — затрудняет восприятие ее слушателями. Правда, последние принадлежали к богословской элите — преподаватели и студенты ведущей духовной школы. Формально разбираемая проповедь соответствует всем требованиям проповеднического жанра Слова.

Символична и трехсоставная композиция основной части проповеди, логически развивающая главную ее мысль. В основу положен богослужебный текст — тропарь из антифона степенного 4-го гласа: 1 — «Святым Духом всяка душа живится», 2 — «Святым Духом всяка душа чистотою возвышается», 3 — «Оживленная и очищенная Святым Духом душа светлеется Тройческим единством священнотайне» [4, с. 165]. Возвышенный стиль проповеди подчеркивает значение праздника, установленного Церковью «ради величия Пресвятаго и Животворящего Духа, яко един есть (от) Святыя и Живоначальныя Троицы». Лексическое наполнение также соответствует торжественности события, хотя архимандрит Феофан остается верен своему стремлению просто и ясно доносить до слушающих главную мысль. Наглядный пример — заключительная часть проповеди, в которой итожатся все подробности предыдущих рассуждений, а именно описывается духовный путь христианина с началом — покаянием, серединой — доброделанием и концом — «священнотайным Богообщением» [4, с. 175–176].

Но все же нельзя не отметить еще сильное влияние на проповедника академической схоластической школы — безупречная логика в раскрытии темы, четко продуманная структура проповеди, обильная, даже чрезмерно, доказательная база из цитат и ссылок на Священное Писание и богослужебные тексты, мастерское владение этими текстами — но при всем при этом чувствуется тяжесть всей искусно, а местами и искусственно, сконструированной гомилии.

Второе «Слово на Пятидесятницу» было произнесено архим. Феофаном уже на должности ректора Санкт-Петербургской духовной академии. Две эти проповеди разделяет короткий, но довольно насыщенный период в жизни святителя. Сначала ректорство в Олонецкой духовной семинарии, про которое в письме от 6 декабря 1855 г. к своему академическому наставнику — епископу Нижегородскому и Арзамасскому Иеремии (Соловьеву) — архимандрит Феофан пишет, что из-за административных обязанностей стало оставаться меньше времени и сил для ученых трудов [2, л. 287]. Но в мае 1856 г. определением Святейшего Синода архимандрит Феофан получил назначение быть настоятелем Русской Посольской Церкви в Константинополе. В письме к архиепископу Аркадию он признавался: «Касательно моего нового назначения, не хочу скрывать, что оно мне по сердцу. Глубоко бы поскорбел, если б меня перемещали из Петрозаводска куда-нибудь опять на ректуру, но то место, где, если Богу угодно, теперь буду, предпочитаю всему для себя, не по достоинству его (ибо это священническое место), а потому, что оно очень мне под силу. Важность ректорства не мала. Судя по тому, что у меня есть и чего нет; может быть, чрез два или три курса я стал бы походить немного на ректора — и то при непрестанных трудах. И едва ли достало бы у меня на то сил, особенно в Петрозаводске!» [1, л. 297; 7, с. 106–107; 6, с. 122–123]. Однако через год указом Святейшего Синода от 13 июня 1857 г. архим. Феофана снова назначают на должность ректора — на этот раз столичной, хорошо знакомой ему Санкт-Петербургской духовной академии. И второе

«Слово на Пятидесятницу» он уже произносит не как преподаватель, скованный условностями своего положения, а как ректор — более свободно, со властью.

Начинается «Слово...» красивой стилистической фигурой — амплификацией — излюбленным риторическим приемом проповедника. Говоря о созидании Церкви Божией Духом Святым на прочном основании, положенном Господом Иисусом Христом, проповедник выстраивает ряд параллельных синтаксических конструкций, каждая из которых начинается с упоминания Сына Божия: «Им окончательно открыты и уяснены апостолам тайны Царствия и все учение христианское, Им побеждены все языки и приведены в послушание вере, Им дарованы все силы, яже к животу и благочестию, Им изречены все уставы и учреждения к возвращению, укреплению и ограждению верующих, Им доселе хранится целым и неповрежденным залог нашего спасения» [5, с. 306]. Всем, принявшим «печать дара Духа Святаго», всем христианам, по слову проповедника, для сохранения и приумножения этого дара необходимо выполнение двух важных условий.

Во-первых, «неуклонно пребывать во всем чине и устройении церковном» [5, с. 308–309]. Здесь подразумевается соблюдение постов, причащение Святых Таин и «все другие молитвенные освящения, хождение в храмы Божии на все службы, не в праздники только, но и во всякое время, когда позволяют дела, домашние молитвы, слушание и чтение Слова Божия, беседы с людьми благочестивыми, послушание духовному отцу» [5, с. 309] и все, что делает нас церковными людьми, проводящими духовную жизнь. Проповедник умело прибегает к риторическим приемам для более красочного и образного раскрытия главной мысли: «Как движением воздуха (ветром) искра раздувается в пламень, так церковностию — сим веянием духовным — возгревается в нас сила благодати Духа Божия» [5, с. 309].

Вторым условием для стяжания Духа Святого является добродетель. Проповедник перечисляет эти «труды добродетели»: «Поддавать милостыню, показывать сострадание,

сносить обиды, защищать угнетенного, соблюдать правду, воздерживаться от гнева, зависти, осуждения и всякой похоти...» [5, с. 310]. Далее в своей проповеди свт. Феофан обнаруживает пастырский подход в раскрытии тех мыслей, которые он доносит до слушателя. Это тонкое знание человеческой души будет все более и более проявляться в его гомилетическом творчестве. Все, кажется, мы делаем правильно — и молимся в храмах и дома, и в таинствах участвуем, и ближнему помогаем, но нет в сердце того огня, который свидетельствовал бы о присутствии в нас Духа Святого. Почему так? — задается вопросом проповедник. Потому что к любому доброму делу всегда примешивается нами злое: к молитве и чтению — рассеяние и невнимательность, к милостыне — тщеславие, к служению ближним — корысть и человекоугодие. Пастырь призывает слушателей не только внешне соблюдать, но более следить за внутренним расположением мыслей и чувств: «Не довольно иметь дела; надобно еще при делах иметь и добрые помышления и чувства, иметь искусство управлять движениями своего сердца, которое святые отцы называют вниманием, трезвением, внутренним деланием» [5, с. 313]. Присущее всему духовному наследию свт. Феофана аскетическое измерение, отчетливо видно и в проповедничестве, в частности в разбираемой нами проповеди.

Третья проповедь «На Пятидесятницу» произнесена святителем на Тамбовской кафедре 27 мая 1862 года. Начинается она богослужебной цитатой стихир на «Господи воззвах». Перед нами уже образец совершенного развернутого слова, впитавшего в себя весь опыт предыдущих богословских трудов, молитв, аскезы и пастырского душепопечения проповедника. Структурированная по строгим школьным правилам, эта проповедь совершенно свободна от схоластики. Тут автор уже не просто ссылается на авторитет Священного Писания и святых отцов, но творчески переосмысливает Писание и Предание, являя оригинальные суждения в духе последних. В этом слове о Святом Духе дышит именно Дух Святой. Казалось бы,

многие мысли из предыдущих проповедей повторяются — о даре Святого Духа, о таинствах церковных, о принятии Духа Святого и Его действиях. Но если раньше проповедник строго придерживался хотя и святоотеческих, но «чужих» суждений (зачастую неявно, а в виде скрытых аллюзий и реминисценций), то в этом Слове он выступает уже как оригинальный мыслитель — уверенно, свободно и в строгом соответствии с православным учением. И не просто мыслитель, а художник слова. Раскрывая глубокий догматический смысл христианской антропологии, святитель прибегает к красочному сравнению: «Как чистый луч света, отражаясь в каплях дождевых или проходя сквозь призму, разлагается на семь радужных цветов, так чистый по себе и простой дух, сочетанный с этим многосоставным организмом, при всей простоте и неизменности своей природы, явился обладающим разнообразием способностей и облеченным множеством потребностей, обращенных к веществу и миру» [5, с. 319]. Далее следует хорошо узнаваемое учение свт. Феофана о трихотомии: дух-душа-тело. Хорошо зная как восточное, так и западное учение о человеке, святитель синтезирует весь опыт святоотеческой мысли и раскрывает свое видение духовного, душевного и телесного бытия человека. Трихотомическая схема удобно используется проповедником для наглядного представления об иерархии, сокрытой как в самой человеческой природе, так и во всем тварном мире: «Дух, сочетанный с телом, поставлен в великом мире Божиим быть жрецом, чтоб не только самому жить в Боге, но и все вещественное ввести чрез себя в общение сей Божественной жизни» [5, с. 320]. Святитель изображает два образа: человека, чей дух живет в Духе Божиим и наслаждается Богосозерцанием; и человека, чей «дух онемел», оторвавшись от Источника жизни — Бога, и стал искать наслаждение в душевно-телесной сфере тварного бытия. Первый, дух чистый, «Бога созерцает и от Него приемлет ведение таин... Боговедения и таин Божественного миротворения и мироправления, чтоб и при сем многоведении невозмутимо пребывать

в том же богосозерцании едином» [5, с. 321]. Для второго мир стал «тусклым зеркалом, в коем ничего не видно... Отчего многоведение заглушает в нем ведение единого, отвращает от него и охлаждает к нему. Такова цена и таков плод научности в падшем» [5, с. 321].

В рассуждении свт. Феофана о призвании человека все вещественное ввести через себя¹ в Богообщение, можно увидеть скрытую аллюзию на учение прп. Максима Исповедника об обожении человека и всего тварного мира. А мысль святителя о наслаждении тварным и нетварным перекликается с известным афоризмом блж. Августина о божественном призвании человека наслаждаться Творцом и пользоваться творением и греховном искажении этого дара Божиего в полную противоположность — стремление пользоваться Творцом и наслаждаться творением.

В дальнейших своих проповедях, экзегетических и аскетических творениях святитель будет часто обращаться к любимой антропологической теории, суть которой можно кратко свести к следующим положениям. Человек сочетает в своей сложной природе тело, душу и дух, при этом дух — высшая сила души и неотделим от нее. Сам человек может существовать на трех онтологических уровнях — телесном, душевном и духовном. Духовный человек — тот, «кто вкушает блаженство в едином Боге и всем тварным наслаждается только потоплику, поколику оно не только не мешает, но еще способствует богонаслаждению» [5, с. 325]. Душевный, или плотский человек «в одних наслаждениях тварями находит вкус и страдает безвкусием к Божественному... <и> какую бы ни обладал утонченностью вкуса, не имеет Духа <Святого>» [5, с. 325]. Правильное устройство человека — когда его дух соединен с Духом Божиим, душа питается энергией обоженного духа, а тело — силами обоженной души. Таким образом, вектор сил человеческой природы направлен от плоти, через душу и дух к Богу. После грехопадения человека этот вектор перевернулся. Дух оторвался от Бога, душа стала паразитировать на плоти, а

¹ По мысли свт. Феофана, чистый дух человека, «сочетанный с телом», соединяется, как подобное с подобным, и с Духом Божиим.

плоть, не находя духовной пищи, стала смертной. Падши, человек «отвратился от Бога к твари и в ней стал жить. Приходит Дух Божий, исторгает его из уз тварного и снова устремляет к Богу» [5, с. 326].

Заканчивается проповедь словами из молитвы Святому Духу «Царю Небесный...», которую впервые после Великого Четверга читают на Пятидесятницу. Таким образом проповедник красиво оформляет свое слово, начиная и заканчивая его цитатами из богослужебных текстов. Форма и содержание всей проповеди безупречны. Здесь нет уже академической перегруженности цитируемыми текстами. И хотя проповедник остается верен себе, приводя шесть выдержек из Апостола в начале проповеди и четыре в конце, а также две упомянутые цитаты богослужебных текстов, все эти вкрапления очень органичны и на своем месте. В целом последнее «Слово на Пятидесятницу» свидетельствует об авторе как о полностью сформировавшемся искусном проповеднике, достигшем пика творческого мастерства и находящегося в расцвете духовных сил.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. АРПМА. Фонд свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 41. Док. № 4011. Л. 297 об.
2. Письма епископа Феофана (Говорова) к разным корреспондентам за 1875–1893 гг. // АРПМА. Фонд свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 41. Ед. хр. 4011. Л. 287.
3. Послужной список состоящего при Духовной Миссии в Иерусалиме соборного иеромонаха Феофана (Говорова), 1854 г. // АВП РИ. Ф.161. П–9. Оп. 46. 1854 г. Д. 7. Л. 12–14.
4. *Феофан (Говоров), свт.* Слово в день Сошествия Святого Духа // Слова С.-Петербургской духовной академии ректора архимандрита Феофана. Спб., 1859. С. 165–176.
5. *Феофан (Говоров), свт.* Слово на Пятидесятницу // Любовь назидая. Слова и проповеди. М., 2018. 657 с.
6. *Феофан (Говоров), свт.* Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем: из неопубликованного. М., 2001. 654 с.
7. Христианское чтение. 1894. Ч. 2. С. 106–107.

УДК 251

Иерей Евгений Игнатов

Priest Eugene Ignatov

**ПРОПОВЕДИ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА,
ПРОИЗНЕСЕННЫЕ ЭКСПРОМТОМ**

**SERMONS OF ST. THEOPHAN THE RECLUSE, DELIVERED
IMPROMPTU**

Аннотация. Известно, что во второй половине XIX века существовало предписание произносить проповеди только после тщательной подготовки. Феномен экспромта порицался церковной властью. Проповеди свт. Феофана интересны тем, что при наличии предварительной подготовки перед их произнесением, они содержат в себе некоторые признаки экспромта.

Abstract. It is known that in the second half of XIX century there was a direction to pronounce a homily only after the careful preparing. A phenomena of impromptu was blamed by church authority. Svt. Theophan's homilies are notable for contenting some features of impromptu, with presence of previous preparing.

Ключевые слова: святитель Феофан, проповедь, гомилетика, экспромт, наследие.

Key words: St. Theophan, sermon, homiletics, impromptu, heritage.

Святитель Феофан Затворник оставил богатое гомилетическое наследие. Это и проповеди, и пособия с наставлениями по составлению проповедей. Темой его проповедей были и события

библейской истории, и церковные праздники, государственные события, увещевания к ведению духовной жизни и многие другие. Однако известно, что при своем выдающемся литературном таланте преосвященный Феофан никогда не решался говорить своих поучений без тетради. С одной стороны, тут сказывалось его смирение и чрезвычайная скромность во мнении о самом себе, как бы боязнь излишне довериться и положиться на свои силы, а с другой — подобная особенность вытекала из глубокого благоговения к Слову Божию, из опасения не сказать наизусть что-либо неточное, лишнее и особенно неверное и ложное. По мысли святителя, кто в священном месте во имя Божие возвещает Слово Божие, тот отвечает за каждое слово. О проповедниках, говорящих без надлежащего приготовления, легкомысленно и поверхностно, нужно сказать, что они не имеют достаточного уважения ни к верующим душам, ни к Самому Богу, пославшему их с проповедью для душ. Было бы недостойным и оскорбительным для божественной истины представить ее чадам Божиим в несоответствующей ей оболочке, без необходимой точности и серьезной важности [3, с. 349].

Сам святитель о характере составления проповеди говорит, что это «писанные экспромты». О характере составления их сам автор пишет: «Особенность моих проповедей та, что они не сочиняемы. Обычно бывало вечером, после всенощной, выпью стакан чая, прочитаю Евангелие завтрашнее, потом Апостол... и какая мысль впадет и займет внимание и сердце, ту беру в тему и проповедь там внутри уж сама собой строится. Часа полтора, много два... и проповедь готова... утром читаешь, немножко подладишь. Иногда тему дают внешние обстоятельства, как бывало при посещениях монастырей, но производство все то же. Это писанные экспромты; как они не из головы шли, то и представляют подслащенное нечто» [5, с. 50–51].

Известно, что в синодальную эпоху проповедь трактовалась как заранее тщательно подготовленное литературное произведение. Более того, в 1794 г. обер-прокурор Святейшего Синода А. И. Мусин-Пушкин предложил ввести обязательную предвари-

тельную цензуру проповедей, произносимых за богослужением. Причиной этого послужило то, что с церковного амвона часто затрагивались политические вопросы. Развивая эту инициативу, 22 марта 1800 г. Святейший Синод издал указ, предписывающий священникам и диаконам, произносящим проповеди собственного сочинения, представлять тексты этих проповедей прежде произнесения на рассмотрение специально назначенным цензорам. Эту норму окончательно закрепил Устав духовных консисторий, изданный в 1841 г. Устав гласил, что священнослужители, получившие «надлежащее образование», должны произносить за богослужением проповеди собственного сочинения. Тексты этих проповедей должны были прежде произнесения подаваться благочинному или специально назначенному цензору. Если по каким-либо причинам проповедник не представил текст своей проповеди до произнесения, он должен был это сделать после произнесения. За нарушение данного регламента налагались различные прещения, в том числе и штраф. Эта норма была сохранена и в новой редакции Устава духовных консисторий, изданной в 1883 г. Таким образом, российское церковное законодательство XIX в. фактически не предполагало произнесения импровизированной проповеди [2, с. 257].

В XIX веке крайне редко кто произносил проповеди собственного сочинения. Тем более редки были случаи импровизации или экспромта на амвоне. Например, святитель Филарет (Дроздов) в течение своей долгой проповеднической практики почти никогда не произносил импровизаций и подвергал строгому порицанию тех священников, которые пытались импровизировать. Столь известные проповедники, как архиепископы Димитрий (Муретов) и Никанор (Бровкович) тоже никогда не произносили непродуманных заранее и незаписанных поучений. Потому неудивительно, что в российской гомилетической науке в XIX в. импровизация рассматривалась как исключение [2, с. 259].

Одним из первых, кто попытался использовать импровизацию в церковной проповеди, стал архиепископ Амвросий (Ключарев, 1820–1901). Он отстаивал необходимость в живом проповедни-

ческом слове и сам произносил почти исключительно импровизированные проповеди. Свой проповеднический опыт он систематизировал в книге «Живое слово», которая посвящена теории проповеднической импровизации.

Владыка Амвросий отмечает, что самое высшее проявление силы и торжества живого устного слова мы видим в первые времена христианской проповеди. Начало этому торжеству положил, конечно, Сам Господь Иисус Христос, из Его пречистых уст полились глаголы живота вечного. Следом за этой всемогущей проповедью раздалось вслух всего мира слово апостолов; оно было принято и передаваемо всюду ближайшими учениками апостолов и затем служителями Церкви, ставшими прежде всего служителями слова. Благовествование «необходимая обязанность моя», говорит апостол Павел, и «горе мне, если не благовествую» (1 Кор. 9:16). Вместе с этим слово переходило в дело: устроились церкви, постановлялись законы, учреждались священнодействия, являлись подвижники добродетели и мученики за истину, и жизнь воплотила в себе и закрепила живое слово; и церковное предание, начатое живым словом, но записанное, так сказать, деяниями христиан и целых церквей, стало первоисточником христианской истины [4, с. 81–82].

Однако этот порыв живого слова, призывающего к созерцанию высших истин, к духовной свободе любви и самоотвержению, умилению и радости, отречению от плотских привязанностей, со временем сменился сухой схоластической проповедью. Обязательная цензура произносимых проповедей в XIX веке и штрафы за произнесение проповедей, не прошедших цензуру, привели к тому, что часто священники предпочитали не произносить проповеди вообще или зачитывали чужие. Все это привело к упадку проповедничества.

Преосвященный Амвросий пишет, что «в нашем отечестве, например, более тридцати тысяч церквей, как готовых народных училищ, еще более того учителей, облеченных авторитетом проповедников Христовой истины и доверием народа; в их распоряжении и дни и часы народных собраний; они могут связать свое

церковное слово со всякою беседой личной с народом — и дома, и в поле, и на пути; могут по заповеди Апостола „обличать, запрещать, увещевать во время и не во время“ (2 Тим. 4:2). И, — стряхни они с себя этот мертвенный сон безучастия и беспечности, который овладел ныне большинством их; проникнись они той жалостью к народу, остающемуся без руководства, — какая дышит в словах Христа Спасителя (Мф. 9:36); пойми они всю силу и злокачественность современных заблуждений; оставь устарелые формы речи, не удобные для потребностей минуты; заговори они живым словом убеждения и любви; подкрепи свое слово примером христианских добродетелей: что бы они могли сделать для народа! Одно представление об этом значении живого церковного слова, какое дал ему Спаситель наш в Своей Церкви, способно привести в восторг ревнителя истины и блага человечества. Сюда, к возбуждению и надлежащему направлению этой деятельности служителей Церкви, должны быть обращены все наши усилия и заботы. Мало у нас в духовенстве дарований, — это наше несчастье; мало усердия к делу, — это наше преступление» [4, с. 84–85].

В начале нашей работы мы уже упомянули, что святитель Феофан произносил свои проповеди только после тщательной подготовки. Мы задались вопросом, произносил ли святитель Феофан проповеди-импровизации экспромтом? Тем более известно, что во время учебы святителя в академии, ректором академии был архимандрит Иннокентий (Борисов) — знаменитый церковный проповедник, который приучал студентов говорить проповеди экспромтом и воспитывал в них любовь к этому великому делу [1, с. 30]. При исследовании этого вопроса возникает ряд сложностей. Во-первых, если проповедь была произнесена экспромтом, то не сохранился черновик этой проповеди и, однажды прозвучав, эта проповедь сохранилась лишь в сердцах слушателей и у нас нет возможности ее прочесть. Во-вторых, если проповедь-экспромт все-таки записали, по каким критериям мы можем ее отнести к импровизации.

Владимир Викторович Бурева в учебном пособии по гомилети-

ке выделяет следующие особенности проповеди-экспромта:

— отсутствие тщательной предварительной подготовки (экспромт от лат. *exprom(p)tus* (готовый, скорый);

— относительная краткость;

— касается одной темы;

— такая проповедь вызвана неким неординарным событием, побудившим проповедника обратиться к слушателям [2, с. 267].

Мы при тщательном рассмотрении гомилетического наследия святителя выделили три проповеди, которые посчитали соответствующими этим критериям:

1. Речь к воинам, только что обученным и отправляющимся к месту назначения (Вручаем вас покрову и заступлению Владычицы Богородицы!). Это краткое слово — благословение воинов на предстоящее им служение и призыв к христианской жизни. (Новобранцы только что обучены и отправлялись в Северо-Западный край. После обедни на площади молебен был, и они благословлены иконою Владимирской Божией Матери — свт.).

2. На пострижение в монахи отца протоиерея г. Шацка, нареченного в монастыре Германом и предназначенного быть архимандритом Черниева монастыря (существо иночества — быть единым с Единым Богом непрестанно). Эта проповедь более пространная, чем первая, но тоже произнесена по конкретному поводу, посвящена назиданию новопостриженного монаха в иноческом житии.

3. На выбор членов земства, в день сретения иконы Боголюбской (устраивать порядки земства следует в духе христианском). Это краткое напутствие новоизбранных членов земства и призывание Божиего благословения на их труды.

Возможно, что в процессе дальнейшей работы мы выделим и другие проповеди святителя, которые по стилю могут быть отнесены к экспромту.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Георгий (Тертышников), архим.* Свительник земли русской. Жизнь и деятельность святителя Феофана Затворника // Богословские труды. Сб. 30. М., 1990. С. 152–175.
2. Гомилетика: учебник бакалавра теологии / В. В. Бурева, Симеон (Томачинский), архим. М., 2018. 452 с.
3. *Смирнов П. А.* Жизнь и учение преосвященного Феофана, Вышенского затворника: В память десятилетия со дня блаж. кончины святителя — Шацк, 1905. 349 с.
4. Полное собрание проповедей Высокопреосвященнейшаго Архиепископа Амвросия, бывшего Харьковского. Т. 5. Харьков. 1903. С. 81–82.
5. *Феофан Затворник, свт.* Письма. Вып. 4. М., 2000. С. 50–51.

Абрамов А. В.

Abramov A. V.

**ОБЗОР ВТОРОГО ТОМА «ЛЕТОПИСИ ЖИЗНИ
И ТВОРЕНИЙ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА,
ЗАТВОРНИКА ВЫШЕНСКОГО»**

**REVIEW OF THE SECOND VOLUME OF «THE CHRONICLE
OF THE LIFE AND WORKS OF ST. THEOPHAN,
THE RECLUSE OF VYSHENSKY»**

Аннотация. Целью данной статьи является обзор второго тома «Летописи жизни и творений святителя Феофана, Затворника Вышенского», который охватывает период с 1859 по 1863 гг. «Летопись» вводит в научный оборот до настоящего момента неизвестный или малоизвестный материал из 10 архивов, связанный с жизнью и трудами свт. Феофана на Тамбовской кафедре, а также с деятельностью других лиц, которые взаимодействовали с ним по различным родам службы.

Abstract. The purpose of this article is to make a review of the second volume of «The Chronicle of the Life and Works of St. Theophan, the Recluse of Vyshensky», which covers the period from 1859 to 1863. «The Chronicle» introduces for scientific use unknown or little known data from 10 archives, which are connected with St. Theophan's life and works in Tambov diocese and also with activity of other people who are contacted with him in different kinds of service.

Ключевые слова: святитель Феофан, Тамбов, летопись, просвещение.

Key words: St. Theophan, Tambov, chronicle, enlightenment.

В данной статье мы попытались проанализировать второй том «Летописи жизни и творений святителя Феофана, Затворника Вышенского», в котором содержится как малоизвестный, так и почти неизвестный материал из 10 архивов, связанных с его жизнью и трудами на Тамбовской кафедре, а также с деятельностью других лиц, которые взаимодействовали с ним по различным родам службы. Анализируемая «Летопись...» охватывает период с 1859 по 1863 гг., начиная со времени назначения святителя Феофана (Говорова) на Тамбовскую кафедру до его перевода на Владимирскую кафедру. При исследовании «Летописи...» были поставлены задачи выявить и проанализировать наиболее значимые вехи из жизни и трудов будущего вышенского затворника, которые ранее были недостаточно хорошо изучены или не были известны до недавнего времени, пока не были обнаружены издателями Полного собрания его творений.

Одним из результатов такой работы появилась возможность ввести в научный оборот факты из жизни и трудов будущего святителя Феофана Затворника и его взаимосвязи с другими известными лицами, поддерживающими с ним переписку. Новизна статьи заключается в анализе малоизвестных сведений из жизни святителя Феофана и его окружения. Актуальность работы заключена в возможности более детально в хронологическом порядке познакомить исследователей, интересующихся изучением русской патрологии, историей Русской Православной Церкви и историей Поместных Церквей, при разборе блока информации, содержащейся в «Летописи», связанной с периодом служения святителя Феофана на Тамбовской кафедре, где кроме него фигурируют многие другие известные деятели того времени. Это дает возможность проследить развитие церковной жизни в России, ее духовных заведений и выпускников, которое происходило в период отмены крепостного права, за которым последовали многие церковные реформы, связанные с подъемом образования и изданием повсеместной епархиальной печати. Также на конкретном материале епархи-

альной прессы можно проследить историю Тамбовской епархии, заботу в этот период святителя Феофана о всех ее нуждах, среди которых можно выделить бедственное положение при Тамбовских пожарах. К этому же периоду относится участие святителя Феофана в решении греко-болгарского вопроса, связанного со стремлением болгар к автокефалии.

Служение святителя Феофана на Тамбовской кафедре с 1859 по 1863 г. отражено в официальных документах из канцелярий Святейшего Синода и его обер-прокурора, а также Тамбовской духовной консистории, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге и в Государственном архиве Тамбовской области (ГАТО). Многие из них издаются впервые. При составлении «Летописи...» немало сведений было выявлено при изучении документов в зарубежных архивохранилищах: Институте рукописей национальной библиотеки Украины в Киеве (ИР НБУ) и архиве Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА) [5, с. 5].

Во втором томе «Летописи...» представлены проповеди, сочинения и эпистолярное наследие святителя Феофана. В нем присутствуют и ранее неопубликованные материалы, которые были выявлены в АРПМА, Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве (НИОР РГБ), в Рукописном отделе Института русской литературы Российской академии наук в Санкт-Петербурге (РО ИРЛИ РАН). Митрополит Климент (Капалин) в предисловии к второму тому «Летописи...» отмечает, что «впервые публикуемые письма и другие архивные свидетельства открывают читателю малоизвестные биографические факты, позволяют составить представление о масштабах епископских трудов святителя по устройению Тамбовской епархии, выявляют новые грани его служения Церкви» [5, с. 6].

Также владыка Климент отмечает, что «в данный том „Летописи...“ наряду с документами вошли разнообразные публикации о его жизненном пути и исторические сведения

о Тамбовской епархии, опубликованные на страницах центральных периодических изданий: „Духовная беседа“ (СПб), „Душеполезное чтение“ (Москва) и журналов духовных академий: „Христианское чтение“ (СПб), „Труды Киевской духовной академии“ и „Православный собеседник“ (Казань). В нем также представлены значительные фрагменты отдельно изданных биографических сочинений о святителе, где дан глубокий анализ его творений» [5, с. 6].

Время служения святителя Феофана Затворника на Тамбовской кафедре совпало с эпохой реформ в России, последовавших за отменой крепостного права, которые отразились не только на проведении гражданских, но и церковных реформ [5, с. 8].

Церковные реформы прежде всего были направлены на повышение уровня народного образования. «Для достижения этой цели преосвященный Феофан особенно заботился об увеличении церковно-приходских школ...» [5, с. 16]. «Повсеместно при храмах были учреждены приходские училища и воскресные школы, посещение которых было общедоступным» [5, с. 9–10] [7, с. 28–29; 8, с. 69]. В то время для большинства сельского населения церковно-приходские школы были единственной формой обучения. Воскресные школы учреждались в городских приходах, компенсируя недостатки религиозного образования, которое предоставляли светские учебные заведения» [8 с. 10].

Важным шагом для религиозного просвещения также стало издание «Тамбовских епархиальных ведомостей», в издании которого святитель Феофан принимал самое непосредственное участие в подготовке каждого номера, публиковал на его страницах свои сочинения и архипастырские обращения [8, с. 8–9]. 8 декабря 1860 г. святитель Феофан направил представление в Святейший Синод об учреждении «Тамбовских епархиальных ведомостей» с прошением об издании епархиального журнала со следующего 1861 г. [8, с. 247]. К своему обращению в Синод святитель Феофан

приложил программу издания, которое будет состоять из двух частей: официальной и неофициальной. В официальной части будут публиковаться Высочайшие манифесты и повеления по духовному ведомству, указы и распоряжения Святейшего Синода, известия о новых духовных учреждениях, о перемене высших правительственных лиц духовного ведомства, о высочайших наградах от лиц Синода, распоряжения епархиального начальства, назначение и увольнение должностных лиц по местной консистории, семинарскому и духовному правлениям, вызовы просителей или подсудимых к явке в консисторию в Попечительство о бедных духовного звания и в семинарское правление, объявление о праздных священно- и церковнослужительских местах при церквях, о постройке и подрядах по епархиальному ведомству, о пожертвовании в пользу монастырей и церквей, извлечения из годовых отчетов по разным местам епархиального управления [8, с. 248].

В неофициальную же часть предлагалось включить краткие выписки из творений святых отцов и писателей духовных, указание для священнослужителей предметов, о которых говорить поучения народу в определенные дни, описание исторических событий и древностей церковных, лучшие из поучений и бесед, произносимых по разным местам епархии, извещение о богоугодных подвигах и пожертвованиях, приглашение к участию в благочестивых предприятиях и на помощь страждущим, примеры благочестия в различных состояниях и обстоятельствах жизни, указание назидательных и полезных книг с кратким пересказом их содержания [8, с. 249]. 18 января 1861 г. вышел указ № 202 Святейшего Синода «О разрешении тамбовскому епархиальному начальству издавать ведомости с 1861 года» по программе, которую свт. Феофан предлагал [3, л. 122 об.]. Первый номер «Тамбовских епархиальных ведомостей» вышел 2 июля 1861 г. [5, с. 365]. Священник Аркадий Спиридонович Ключарев (1877–1938) в своем труде «Преосвященный Феофан Затворник и его

пастырская деятельность» отмечал, что святитель Феофан придал «Тамбовским епархиальным ведомостям» «вид более литературного, чем официального журнала», который выходил два раза в месяц [5, с. 366].

Большое внимание святитель Феофан уделял проповеди среди духовенства, ревностных проповедников он ставил в пример, а нерадивых штрафовал и распоряжался, чтобы об этом напечатали в «Тамбовских епархиальных ведомостях» [6, с. 183] в качестве исправления нерадивого проповедника и в предостережении для других пастырей [5, с. 9].

Среди выпускников Тамбовской духовной семинарии за 1860 г. был Яков Цыпляковский (в монашестве Тихон), будущий духовник святителя Феофана Затворника в Вышенском монастыре [5, с. 100]. В качестве справочной информации в примечаниях «Летописи...» сообщается, что *Тихон (Цыпляковский Яков Григорьевич; 1841–1896)* после окончания Тамбовской духовной семинарии в 1864 г. стал послушником Вышенской пустыни; в 1868 г. перемещен в Тамбовский архиерейский дом, рукоположен в иеромонаха; был на Афоне, посетил Иерусалим, в 1871 г. вернулся в Россию; был настоятелем Рождество-Богородичного Санаксарского монастыря, позже Лебедянского Свято-Троицкого монастыря, а в последние годы жизни жил на покое в Вышенской пустыни, где был духовником святителя Феофана в период его затвора. Отец Тихон — автор сочинений «Искатель непрестанной молитвы» (М., 1889), «Слово — язык по Суду слова Божия» («Душеполезное чтение», 1896), «Памяти преосвященного епископа Феофана. Воспоминание Вышенского инок» («Тамбовские епархиальные ведомости», 1894) [5, с. 100].

К 1860 г. относится запись о приезде к святителю его племянника Алексея Гавриловича Говорова (1851–1896), написавшего впоследствии воспоминание об этом периоде своей жизни и о том, каким запомнился тогда ему святитель Феофан [4, с. 61–62]. Ему на тот момент было 9 лет, его поселили при архиерейском доме в Тамбове, где он оставался до 1863 г.

под опекой святителя Феофана, а оттуда при назначении святителя Феофана на Владимирскую кафедру переехал вместе с ним во Владимир, где поступил учиться во Владимирскую семинарию, а затем был переведен в Московскую семинарию, но сведений о ее окончании не имеется. С 1873 г. Алексей Гаврилович занимал должность судебного пристава Московского окружного суда. В конце 1878 г. получил от святителя Феофана права на издание его сочинений, сделавшись их собственником и издателем, а после передачи издательских и торговых прав Русскому Пантелеимонову монастырю на Афоне (с 25 августа 1888 г.) остался владельцем рукописей и получателем вознаграждения от продаж книг [5, с. 118]. В своих воспоминаниях Алексей Гаврилович отмечал, что «преосвященный непрерывно пребывал в молитве и трудах. У него была прекрасная библиотека, которая пополнялась вновь выходящими изданиями. Только на короткое время выходил он на прогулку в сад при Архиерейском доме, а в летнее время позволял себе иногда прокатиться куда-нибудь... Он горячо любил природу, восхищался ею и во всем видел следы премудрости Творца...» [4, с. 63].

Святитель Феофан в 1860 г. направил распоряжение о необходимости проведения духовенством своей епархии катехизаторских поучений при каждой центральной церкви или соборе города. В программу для изучения должны были входить объяснения Символа веры, заповедей Божиих и молитвы Господней [5, с. 175]. При составлении катехизических поучений должно быть обращено внимание на буквальный смысл Символа веры, заповедей и молитвы Господней, с объяснением каждого слова. Язык для поучений должен быть понятным, но и не простонародным, приличным для церковной кафедры. В качестве образцов для этого можно взять творения свт. Иоанна Златоуста и свт. Тихона Задонского [5, с. 176]. Для проведения катехизаторских бесед позволялось допустить способных диаконов, учителей училищ и наставников сельских школ [1, л. 15–18 об].

В 1860 г. в духовную консисторию поступили сведения, что «в церквах при богослужении не соблюдается тишина, многие из мирян входят в алтарь, кошельковый сбор производится в самые важные в литургии минуты... Кошельковому сбору не следует быть ни под каким видом от *Верую до Отче наш* включительно... тарелки покрывать сукном, чтобы не было слышно стуку, при размене не греметь деньгами» [5, с. 180]. Кроме того, святитель Феофан отмечал, что многие священники, которые сами должны подавать пример, неправильно крестятся, и повелел делать крестное знамение, как изображено в Псалтири. При чтении поучений в церкви он советовал избирать не очень длинные поучения, чтобы не утомить слушающих и перед этим обязательно заранее самим их прочитывать, чтобы при народе прочитать внятно и без ошибок. Для монастырей он порекомендовал кроме Четых-Миней приобрести подвижнические книги в русском переводе [5, с. 181; 3, л. 122 об.].

От 8–9 августа числа содержится запись о начале продолжительных пожаров, вызванных сильной засухой в Тамбове и уездных городах Тамбовской епархии. В этот период святителем Феофаном было произнесено девять слов по случаю пожаров, которые были опубликованы частями в журнале «Домашняя беседа» за 1860 г., начиная с № 45 от 5 ноября и заканчивая № 49 от 3 декабря под общим заглавием «Слова по случаю пожаров в Тамбове в 1860 году» [5, с. 185–187, 270]. Некоторые пожары охватили большое число строений, так, например, в Борисоглебске было четыре больших пожара, во время которых выгорело полгорода [5, с. 215].

Пожары в Тамбовской епархии продолжались до 18 сентября, пока не пошли продолжительные дожди [5, с. 219–220]. В записи «Летописи...» от 28 июня 1861 г. отмечается, что святитель Феофан обращался с рапортами в Священный Синод с ходатайством об оказании единовременных денежных пособий некоторым лицам белого духовенства Тамбовской епархии, потерпевшим разорение от пожаров [5, с. 361].

В числе членов Тамбовского епархиального попечительства о бедных духовного звания за 1860 г. упоминается эконом архиерейского дома иеромонах Аркадий (Честнов). Запись о его назначении в игумены Вышенской пустыни содержится в «Летописи...» от 15 апреля 1862 г. [5, с. 500–501]. Свое назначение настоятелем Вышенской пустыни он получил в связи с кончиной прежнего игумена Герасима [5, с. 501]. Перед отправкой в Вышенскую пустынь святитель Феофан напутствовал его словами: «Поезжайте, а потом я к Вам приеду. Заживем опять вместе» [2, с. 8]. В 1867 г. о. Аркадий был посвящен в сан архимандрита [2, с. 263].

Именно в период настоятельства архимандрита Аркадия Вышенский монастырь достиг своего расцвета и получил широкую известность. Архимандрит Аркадий будет в числе трех лиц, которых святитель Феофан будет к себе допускать в период затвора.

В «Летописи...» за 1861 г. отмечается, что по вопросу греко-болгарских церковных взаимоотношений святитель Феофан стал на сторону болгар, у него было опасение, что если греки не позволят болгарам выбрать архиерея из болгар, учредить болгарские школы и организовать издание книг на родном языке, то болгары могут уклониться в католичество, чтобы освободиться от гнета греков, лишаящих их права участия в жизни Церкви и препятствующих развитию их национальной культуры [5, с. 306–310]. Поэтому очень важно Русской Православной Церкви поддержать болгар, близких «ко греху насильственного исторжения власти над собою греков. Надо нам избавить болгар от сего греха, который разобщит их с Церковью» [5, с. 312].

Также за 1861 год в «Летописи...» содержится мнение святителя Феофана по вопросу перевода Библии на русский язык. Предпочтение святитель отдавал переводу 70-ти, с которого нужно переводить Священное Писание на русский язык, обращаясь в крайних случаях к еврейскому тексту, который можно использовать в подстрочнике. Святитель

полагал, что, хотя и не плохо перевести Библию на русский язык, но было бы лучше издать славянскую Библию с толкованием, в котором использовать и русский перевод, поскольку просто издание Библии на русском языке «не толкует и непонятное все остается непонятным, а многое из понятого понимается криво и дает повод к разномыслию» [5, с. 314].

Интересным упоминанием в «Летописи» является использование в проповеди святителя Феофана на Вознесение Господне в 1861 г. выражения «братие и сестры», которое не подтверждает расхожее мнение, что данное выражение стало использоваться в проповеди в Русской Православной Церкви только в советское время. Только у святителя Феофана выражение «братие и сестры» используется в указанной проповеди не в начале текста, как это было в советские времена, а почти в самом конце проповеди, и не в восклицательной, а в вопросительной форме [5, с. 346–347].

От 11 июля 1861 г. в «Летописи...» содержится запись о донесении епископа Феофана в Святейший Синод «Об учреждении крестного хода с иконою Казанской Божией Матери из Щацкой Вышенской пустыни в город Моршанск», который впредь осуществляется ежегодно в благодарность за избавления от холеры в 1853 и 1859 годах, чтобы Казанская икона пребывала с 15 июля (по старому стилю) в течение не менее месяца в Троицком соборном храме г. Моршанска, а доход от молебнов в домах жителей с принесенной иконой поступал в Вышенскую пустынь [5, с. 370–371]. 4 июня 1862 г. Святейшим Синодом издан указ об учреждении крестного хода с Казанской иконой Божией Матери из Вышенской пустыни в г. Моршанск [5, с. 525].

Важным событием в жизни святителя Феофана стало его участие в обретении мощей святителя Тихона Задонского, которое состоялось в день блаженной кончины святителя Тихона 13 августа 1861 г. [5, с. 385].

От 26 октября 1861 г. содержится упоминание об отношении

святителя Феофана к «пустой молве» о назначении его на епископскую кафедру в Харьков. Ему ближе было пребывание на покое с небольшим обеспечением [5, с. 418]. Таким образом, уже на Тамбовской кафедре у свт. Феофана была мысль о затворе на «покое».

От 24 марта 1862 г. высочайше было утверждено определение Святейшего Синода об учреждении в Тамбове училища для девиц духовного звания [5, с. 495]. А само «соизволение открыть в Тамбове училище для девиц духовного звания» поступило в Тамбовскую духовную консисторию накануне отъезда святителя Феофана на Владимирскую кафедру 21 августа [5, с. 639].

22 июля 1863 г. обер-прокурор Святейшего Синода А. П. Ахматов представил на рассмотрение императора доклад об увольнении епископа Владимирского и Шацкого Иустина по его собственному прошению на покой и о перемещении на освободившуюся кафедру епископа Тамбовского и Шацкого Феофана, а 26 июля последовал сам указ об этом из Синода [5, с. 623–624]. 18 августа 1863 г. епископом Феофаном было произнесено прощальное слово в тамбовском кафедральном Преображенском соборе на последней из совершенных им Литургий на Тамбовской земле [5, с. 636].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА). Фонд свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 39. Ед. хр. 4009. Л. 15–18 об.

2. *Богоявленский И., свящ.* Архимандрит Аркадий — настоятель Вышенской пустыни Тамб. губ. Шацкого уез. Тамбов, 1912.

3. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 1724. Л. 122 об.

4. Душеполезное чтение. 1894. Ч. 2.

5. Летопись жизни и творений святителя Феофана, Затвор-

ника Вышенского / 1815–1894. Т. 2: 1859–1863. М.: Изд-во Московской патриархии Русской Православной Церкви, 2019.

6. Тамбовские епархиальные ведомости. 1861. № 25. 17 дек.

7. Тамбовские епархиальные ведомости. 1861. № 4. 23 июля.

8. Тамбовские епархиальные ведомости. 1861. № 9. 27 авг.

Лукьянова А. Е.

Lukyanova A. E.

**БЛИЖНИЙ КРУГ СЯТТЕЛЯ ФЕОФАНА.
НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О П. С. ЛУКОМСКОЙ**

**THE INNER CIRCLE OF ST. THEOPHAN. NEW
INFORMATION ABOUT P. S. LUKOMSKAYA**

Аннотация. Княгиня Пелагея Лукомская является одной из самых загадочных фигур из окружения святителя Феофана. Множество сторон ее жизни остаются тайной для исследователей. Известно, что она являлась духовной дочерью и корреспондентом архипастыря, а также человеком из его близкого окружения. Автор данной статьи использовала некоторые генеалогические факты о роде Лукомских, найденные священником Георгием Павловичем, для того чтобы исследовать историю данной личности. В статье представлены фрагменты писем княгини и переписок, в которых она упоминается.

Abstract. Princess Pelageya Lukomskaya is one of the most mysterious figures from the entourage of St. Theophan. Many aspects of her life remain a mystery to researchers. It is known that she was the spiritual daughter and correspondent of the archpastor, as well as a person from his inner circle. The author of this article used some genealogical facts about the Lukomsky family which were found by the priest Georgy Pavlovich in order to investigate the history of this person. The article presents fragments of the Princess' letters and correspondence in which she is mentioned.

Ключевые слова: княгиня Пелагея Лукомская, святитель Феофан, духовная дочь, корреспондент, переписка, генеалогия.

Key words: Princess Pelageya Lukomskaya, St. Theophan, spiritual daughter, correspondent, correspondence, genealogy.

Духовная дочь и корреспондент святителя Феофана — княгиня Пелагея Сергеевна Лукомская занимала особое место в его окружении. Княгиня (так она подписывалась, и так с легкой иронией именовал ее Феофан в переписке с близкими) и сама оказала несомненное влияние на жизнь святителя, а впоследствии стала его помощницей, вошла в круг близких ему лиц.

Личность этой женщины интересовала многих исследователей, но до сих пор обстоятельства ее жизни были совершенно неизвестны: кто был ее муж, как проходила их семейная жизнь, когда она овдовела, кто такая княжна Феофания Лукомская, похороненная рядом с ней — одни вопросы!

Разные источники представляют ее мужа то придворным архитектором, то военным. Какие-то сведения, мелькнувшие в письмах, архивных делах, интернете, часто ошибочны. Ранее нами были выявлены многие лица из персоны рода Лукомских, но привязать мужа княгини к определенной ветви этого рода не представлялось возможным. Наше сообщение, в свою очередь, не претендует на окончательную полноту, но представляет выявленные биографические сведения из жизни княгини.

Мы использовали некоторые генеалогические факты о роде Лукомских, найденные священником Георгием Павловичем (с. Дивеево) и любезно сообщенные нам. Выражаем о Георгию свою горячую благодарность. Общение с ним вдохновило нас к возобновлению и завершению давно начатого исследования. Также благодарим Санкт-Петербургских исследователей —

архивистов Галину Михайловну Степанову и Нину Вячеславовну Новикову, неизменно оказывающую информационную поддержку нашим работам.

Пелагея Сергеевна была ровно на год старше святителя Феофана, практически была его ровесницей. Она родилась 3 января 1814 г. в семье Санкт-Петербургского купца Сергея Ивановича Кусова и его жены Хионии Николаевны, на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. Через две недели, 18 января, младенца Пелагею крестили в Благовещенской церкви на Васильевском острове, в этом храме до его преобразования в монастырский, совершались все таинства семьи Кусовых. Восприемниками девочки были ее дед по отцу, коммерции советник и кавалер Иван Васильевич Кусов и бабушка по матери, Наталья Моисеевна, жена Санкт-Петербургского купца Николая Кувшинникова [17, л. 12; 15 с. 117, 126].

Позднее нами была найдена оригинальная метрическая запись Крещения Пелагеи Сергеевны (ЦГИА. Ф.19. Оп. 111. Д. 176. Метрические книги церковей СПб., 1814г. Л. 284).

Приведем некоторые сведения из истории семьи Кусовых, опубликованные в справочнике А. В. Краско и Г. К. Ольхиной, дополняя фактами, найденными нами.

Предки Пелагеи Сергеевны происходили из крестьян с. Клементьева Московского уезда, принадлежавшего Троице-Сергиеву монастырю.

Ее прапрапрадед Григорий Кусов (родился не позднее 1712 г.) вместе со своим братом торговал игрушками в Санкт-Петербурге. Игрушечный промысел традиционен для жителей Троицкого посада и его окрестностей и продолжается поныне.

Сын Григория — Василий Григорьевич (01.01.1729, Троицкий посад Моск. уезда — 18.09.1788, Санкт-Петербург) поднялся до Санкт-Петербургского первостатейного купца. Он вел обширную заграничную торговлю с Германией, Францией, Англией через С.-Петербургский порт. Основанная им фирма более 100 лет занимала значимые позиции.

После удаления Василия Григорьевича от дел во главе фир-

мы стал его сын, Санкт-Петербургский первостатейный купец Иван Васильевич Кусов (07.01.1750–18.08.1819), коммерции советник¹ и кавалер орденов св. Владимира 4-й степени и св. Иоанна Иерусалимского, дед Пелагеи Сергеевны. Иван Васильевич был одним из учредителей Российско-Американской компании, основал в Петербурге сахарный, поташный, водочный и кожевенный заводы. В 1800 г. он среди первых трех Санкт-Петербургских коммерсантов получил звание коммерции советника, одновременно с учреждением этого звания. Иван Васильевич жил в собственном доме по 1-й линии Васильевского острова (ныне дом 58) в приходе Екатерининской церкви², имел многочисленное потомство от трех жен. Его первая жена Пелагея Ивановна, ур. Кокушкина (1759–1797), родила 13 детей.

Для нас важно то, что среди ее детей были дочь Александра Ивановна, в замужестве Ростовцева, мать Якова Ивановича Ростовцева, и сын Сергей Иванович, отец княгини. Таким образом, Яков Иванович Ростовцев и Пелагея Сергеевна Лукомская — двоюродные брат и сестра. Близкое родственное общение между их семьями никогда не прерывалось. Пелагея Сергеевна часто прибегала к помощи Ростовцева в трудные моменты своей жизни и жизни близких ей людей.

Отец Пелагеи — Сергей Иванович Кусов (1.10.1884–30.03.1824) первоначально состоял при капитале отца, а после его смерти вел дела вместе с братьями, капитала от своего имени не объявлял. Был масоном. За ним нераздельно с братьями было родовое имение: в Санкт-Петербурге 2 каменных дома, сахарный и кожевенный заводы, 15 каменных лавок, 6 каменных амбаров и дача на Каменном острове.

Сергей Кусов женился 21 февраля 1812 г. на Хионии Нико-

¹ В 1800 г. император Павел I учредил для купечества особое отличие под названием «коммерции советник», приравненное к 8-му классу статской службы.

² В 1829 г. в его особняке после реконструкции открыта больница св. Марии Магдалины, ныне детская больница св. Марии Магдалины.

лаевне Кувшинниковой (11.06.1793–4.6.1856), иногда ее называли Фиония, дочери Санкт-Петербургского купца Николая Кувшинникова и его жены Натальи Моисеевны. Венчались молодые в Благовещенской церкви на Васильевском острове, поручителями были брат жениха, первостатейный Санкт-Петербургский купец Николай Иванович Кусов, и Смоленский купец Николай Климович Савельев.

Сергей Иванович и Хиония Николаевна имели четырех дочерей (приводим их фамилии в замужестве):

Пелагея Лукомская (03.01.1814–07.12.1877);

Наталья Кусова (род. 13.01.1816);

Мария Ольхина (28.12.1817–8.6.1910);

Юлия Косиковская (08.01.1819–05.12.1887).

С. И. Кусов умер 30 марта 1824 г., не дожив до 40 лет. После смерти мужа Хиония Николаевна объявила капитал от своего имени по 3-й гильдии, то есть стала купчихой.

Небольшие воспоминания о вдовствующей Хионии Николаевне Кусовой нашлись в книге Марии Федоровны Каменской, дочери графа Федора Петровича Толстого, президента Академии художеств [11, с. 121–122]. Оказывается, мать Пелагеи Сергеевны находилась в дружеских отношениях с семьей гр. Ф. П. Толстого, была у них «своим человеком». Видимо, корни этой близости надо искать в общей масонской деятельности гр. Ф. П. Толстого и С. И. Кусова. Кроме того, два родных брата Сергея Ивановича занимали видные должности в ложе, которую возглавлял граф Федор Петрович Толстой.

Мария Федоровна Каменская дает краткий портрет «хорошенькой молодой вдовы», хотя она ошиблась в ее девичьей фамилии. Описание относится к лету 1826 г.: «...русская дебелая красавица... Фиона Николаевна, потеряв мужа, остриглась под гребенку, распустила громадный черный фланелевый с плерезами шлейф, укрылась с головы до ног вдовьим креповым покрывалом и не переставала, глубоко вздыхая, молча, своими небесно-голубыми глазами глядеть куда-то вдаль... Конечно,

она не могла оживить наш дом, но была так трогательно хороша, что от нее невозможно было отвести глаз» [11, с. 121–122]. Автор мемуаров, Машенька Толстая (род. 1817 г.), была очень дружна с девочками Кусовыми, «провела с ними... молодость» [11, с. 121–122]. Каменская предполагала в дальнейших разделах книги рассказать подробнее об этом счастливом для нее времени и о семье Кусовых, но возраст и пошатнувшееся здоровье мемуаристки не позволили выполнить задуманное. Однако краткие зарисовки М. Ф. Каменской позволяют представить не только внешность Хионии Николаевны, но и круг общения ее дочерей.

По тому, что третья дочь Кусовых — Мария Сергеевна Ольхина — много лет прослужила директрисой Мариинского института, видно, что своим дочерям Хиония Николаевна дала прекрасное образование. Несомненна и искренняя привязанность к ней дочерей Пелагеи и Юлии: она была постоянной приемницей их детей — своих внуков.

27 ноября 1837 г. Хиония Николаевна Кусова с дочерьми были сопричислены к роду своего свекра и внесены в 1-ю часть дворянской родословной книги [17]. Несомненно, у всех дочерей было хорошее приданое.

Как сложилась жизнь второй дочери Кусовых — Наталии Сергеевны, нам неизвестно. Судя по неизменившейся фамилии, замуж она не выходила.

Третья дочь — Мария Сергеевна — вышла замуж 13 января 1839 г. за Александра Александровича Ольхина (20.06.1812–07.04.1873), сына богатейшего фабриканта Александра Васильевича Ольхина. Ее свекор А. В. Ольхин, как и ее дед И. В. Кусов, одним из первых был пожалован званием коммерции советник, а вскоре и дворянством. В семье Марии Сергеевны родились три сына и три дочери. Старший сын увлекся революционным движением и доставил матери много неприятностей. Младшая дочь Фаина Александровна была замужем за Алексеем Дмитриевичем Поленовым, братом художника В. Д. Поленова. Ему принадлежало сельцо Алексеевское-

Воейково Елецкого уезда Орловской губернии.

Четвертая, младшая дочь Сергея Ивановича и Хионии Николаевны — Юлия Сергеевна — вышла замуж 6 июля 1842 г. за Валентина Андреевича Косиковского, сына санкт-петербургского купца 1-й гильдии Андрея Ивановича Косиковского. В семье родилось шестеро детей.

Позже сестер, в 1843 г. вышла замуж старшая дочь Кусовых — Пелагея.

«№ 7. 10 февр. 1843 г. — в Екатерининской церкви на Васильевском острове. Жених: корпуса морской артиллерии 1-й бригады поручик князь Александр Лукомский, православного исповедания, первым браком, 31 года.

Невеста: умершего дворянина Сергея Иванова Кусова дочь девица Пелагея Сергеева Кусова, православного исповедания, первым браком, 25 лет.

Екатерининской церкви священник Иоанн Афанасиев Мегиоранский.

Поручители при венчании по женихе: состоящий при Министерстве финансов коллежский регистратор Владимир Мордвин и Гвардии экипажа лейтенант Сергей Васильевич Лошин (Лешин); по невесте: мать родная дворянка Хиония Кусова, лейтенанта начальника штаба генерал-фельцейхмейстера штабс-капитан Александр Александров Ольхин (муж Марии Сергеевны Кусовой) и статский советник Николай Кусов» [15 с. 117, 126; 29, л.259].

Запись о венчании — загадка, так как, вопреки всяческим правилам, не указано отчество жениха. В результате проделанных нами работ мы смогли установить, что мужем Пелагеи Сергеевны стал князь Александр Иосифович Лукомский (1811–15.05.1850).

Строго говоря, Лукомские не имели права именоваться князьями, так как титул не был подтвержден документами, но ветвь, к которой принадлежал Александр Иосифович, упорно употребляла этот титул, а его брат Дмитрий даже писал: «князь Дмитрий Осипов из Ольгердов Лукомский».

Родители Александра Иосифовича: Иосиф Гиляриевич Лу-

комский (ум. ранее 1832 г.) и Анна Егоровна, ур. фон Дрейнегакер. В 1817 г., на момент рождения сына Дмитрия семья жила в Псковской губернии в имении генерал-майора В. М. Мордвинова [16, с. 127–158], в это время Иосиф Гиляриевич служил земским исправником Новоржевского уезда Псковской губернии. Связь с семьей Мордвиновых у братьев Александра и Дмитрия Лукомских не прерывалась. Так, в 1843 г. при бракосочетании Александра Иосифовича и Пелагеи Сергеевны одним из поручителей по жениху был коллежский регистратор Владимир Мордвинов; в 1844 г. Дмитрий Михайлович Мордвинов стал крестным отцом Якова, первенца этой пары.

Александр Иосифович Лукомский прослужил на Черноморском флоте в морской артиллерии 16 лет, участвовал в Турецкой кампании, был в нескольких походах на Кавказе [18]. Ранее мая 1845 г. уволился от службы в чине штабс-капитана, пенсии не выслужил. Позднее Пелагея Сергеевна писала о нем: «Муж служил честно, но блистательного или чего-нибудь особенного ничего не сделал» [18].

После отставки и до самой смерти Александр Лукомский служил смотрителем строительных материалов при Санкт-Петербургском Воспитательном доме.

4 января 1844 г. у Пелагеи Сергеевны родился первенец Яков, вскоре умерший. Крестили младенца в церкви св. вмч. Екатерины на Васильевском острове, там же, где венчались Лукомские за год перед этим. Через год с небольшим, 21 мая 1845 г. родился второй сын, которого также называли Яковом (видимо, в честь Якова Ивановича Ростовцева), также умерший в младенчестве. Крестили второго Якова уже в церкви Воспитательного дома, по месту службы отца. Восприемницей обоих сыновей была их бабушка Хиония Николаевна Кусова.

Именно к этому времени (1845–1846) надо отнести знакомство княгини Лукомской с иеромонахом Феофаном (Говоровым), прибывшим в Петербург в начале 1845 г. для службы в Санкт-Петербургской духовной академии. Пелагея Сергеевна входила в число близких людей семьи Степана Онисимовича

Бурачка. Несомненно, Лукомская играла заметную роль в этом дружеском кружке, во всяком случае она как-то выделялась из среды просто знакомых будущего святителя. Подтверждение этого находим в коротенькой записке к С. О. Бурачку, написанной иеромонахом Феофаном в октябре 1847 г. в день отъезда с миссией из Санкт-Петербурга в Иерусалим: «... Час, другой — и отъедем. Кланяюсь всем вам, и всем знаемым через вас — и Княгине...» [31, л. 67]. Как уже говорилось, в переписке с близкими Феофан ее именовал просто «Княгиня».

13 января 1849 г. умерла дочь Пелагеи Сергеевны — Мария, 4 месяцев, похоронена на Смоленском кладбище. Запись о ее рождении не выявлена. Возможно, у Пелагеи Сергеевны рождались еще дети, но все они умерли в младенчестве.

Александр Иосифович Лукомский прожил короткую жизнь — он умер 15 мая 1850 года от чахотки, 39 лет, перед этим долго болел. Его вдове исполнилось 36 лет. Видимо, тяжелая атмосфера в семье усугублялась бедственным материальным положением. Впоследствии Лукомская писала: «Состояние мое утрачено все до последнего, несчастным банкротством (*мужа?*) и его долговременною болезнию» [18]. Отпевали А. И. Лукомского в Новосильцевской церкви (церковь святого равноапостольного князя Владимира при Орлово-Новосильцевском благотворительном заведении) [21, л. 267]. В 1850 г. парк Лесотехнической академии, где находилась Новосильцевская церковь, относился к Санкт-Петербургскому уезду.

«№ 107. 15–18 мая 1850 г.

Александр Иосифович Лукомский князь, служивший при С. П.-бургском Воспитательном³ доме смотрителем строительных материалов. 39 лет, от чахотки.

Свщ. Орлово-Новосильцевского Заведения Тимофей Валдайский».

³ Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

(ЦГИА. Ф. 457 Смоленское кладбище. 01.03.1850–16.09.1850. Оп.1. Д. 45. Л. 97 об. — 98. Публикуется впервые).

В ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации) хранится архивное дело Ф. 109. Оп. 82. Д. 213⁴, состоящее из прошений Пелагеи Сергеевны о воспомоществовании. Из него узнаем некоторые подробности жизни княгини после смерти мужа: она жила с престарелой свекровью, без всяких средств. Никакого пособия через Военное министерство Пелагея Сергеевна не получала, так как муж не выслужил пенсию. Сначала письма обращены к императору Николаю I, потом — к Александру II. Ежегодно кузен П. С. Лукомской — Яков Иванович Ростовцев через управляющего Третьим отделением Л. В. Дубельта подавал эти прошения. Обратный адрес просительницы: на В. О. (Васильевском острове) в 1-м корпусе на квартире генерал-адъютанта Ростовцева. Интересно, что ни разу в этих письмах не было указано имя умершего мужа. Два письма написаны на французском языке, там княгиня подписывается Pauline. В русских сопроводительных письмах к ее прошениям, находящихся в этом же деле, ее раз или два называют Паулиной Сергеевной. Может быть, это было ее домашнее имя. Разовые пособия выдавались из разных источников: из неприкосновенного капитала и через камердинера государя императора, из собственных сумм Его императорского величества, из канцелярии гр. Орлова, из сумм государственного казначейства и Опекунского совета.

Первая сумма (600 р.) была выдана в ноябре 1850 г., затем пособия выдавались раз в год, обычно к Пасхе, размером около 300 рублей [18].

Через два года после смерти Александра Иосифовича Лукомского, в сентябре 1852 г. на Кавказе умер его брат Дмитрий Иосифович Лукомский, вынужденный по каким-то обстоятельствам служить там с января 1850 г. Уже в декабре 1849 г. семья Дми-

⁴ Благодарим за указание на дело свщ. Георгия Павловича.

трия Иосифовича настолько нуждалась, что его жена Анна Никитична (ур. Бутырская), имея шестерых детей, сдала экзамен на звание домашней учительницы и преподаванием зарабатывала на жизнь [16, с. 127–158]. Одна из их дочерей — княжна Феофания (1848–04.08.1852) [23, л. 131] и похоронена рядом с Пелагией Сергеевной Лукомской [22, с. 703], что указано в Санкт-Петербургском Некрополе. Долгое время считалось, что это дочь самой Пелагеи Сергеевны, но нами установлено, что княжна Феофания — ее племянница, дочь Дмитрия Лукомского. Муж и дети Пелагеи Сергеевны похоронены там же, просто в Петербургском некрополе они не упоминаются [22, с. 703].

По всей видимости, Пелагея Сергеевна старалась в меру возможностей помочь семье деверя. Во всяком случае заботу о престарелой свекрови взяла на себя.

В июне 1856 г. архимандрита Феофана назначили настоятелем посольской церкви в Константинополе, куда он реально прибыл в самом конце 1856 г. Считается, что во время службы в Константинополе началась переписка архимандрита Феофана с П. С. Лукомской [13, с. 49].

Пелагея Сергеевна была очень деятельной натурой — по своему побуждению ходатайствовала о переменах мест служения Феофана. В июне 1857 г. архимандрит Феофан стал ректором Санкт-Петербургской духовной академии. По этому поводу 27 июня 1857 г. арх. Порфирий (Успенский) записал в дневнике: «На место ректора здешней академии преосвященного Макария назначен живший со мною в Иерусалиме Феофан. <...> Эта ректура негаданно, нечаянно поручена <...> архимандриту Феофану по настоянию синодального обер-прокурора Толстого, который у кого-то (едва ли не у княжны Лукомской) читал его благочестивые письма, признал его достойнейшим оной ректуры» [14, с. 90].

Действительно, Пелагея Сергеевна давала письма архимандрита Феофана, писанные к ней, православному публицисту Алексею Михайловичу Загоскину (брату писателя) для переда-

чи на краткое время обер-прокурору гр. Александру Петровичу Толстому с тем, чтобы он предложил о. Феофану достойное назначение (сама она прочила его на пост ректора Киевской духовной академии). Для ответа на возможные вопросы обер-прокурора Лукомская написала там же краткое изложение жизненного пути иеромонаха Феофана⁴ [19, л. 1–2 об.]. Александр Петрович прочитал письма и составил для себя благоприятное мнение о духовных качествах Феофана, вполне соответствовавших должности ректора Петербургской академии.

В июне 1859 г. совершилась епископская хиротония ректора Феофана во епископа Тамбовского, а в начале июля того же года еп. Феофан прибыл в Тамбов.

В 1860 г. на основе переписки с Лукомской епископ Феофан подготовил книгу «Письма о духовной жизни». Также в книгу вошли некоторые проповеди Феофана. Их предваряет письмо епископа, обращенное к Пелагее Сергеевне, где говорится, что это подарок ко дню ее Ангела: Пелагея Сергеевна слышала эти проповеди в Тамбове и желала иметь их полностью, и это желание ее было исполнено. Среди вошедших в книгу проповедей в одной, сказанной 31 января 1860 г., подробно пересказывается сон княгини⁵ [32, с. 111–117; 12, с. 31–38].

Из вышесказанного видно, что во второй половине 1859–1860 гг. Лукомская подолгу гостила в Тамбове или часто туда приезжала. Там она близко познакомилась с семьей святителя, в это время состоявшей из его рано осиротевших племянников: юноши Ивана Ивановича Говорова (1842–1892)⁶ и мальчика Алексея Гавриловича Говорова (1851–1895)⁷, а также

⁴ (Письмо к А. Н. Загоскину) выявлено главным архивистом Научно-исследовательского отдела рукописей РГБ Д. А. Чудиновым.

⁵ Впоследствии по просьбе прп. Амвросия Оптинского П. С. Лукомская послала ему подробный пересказ своего сна. Автограф письма Пелагеи Сергеевны к прп. Амвросию Оптинскому хранится в рукописном отделе РГБ (Российской государственной библиотеки), выявлен главным архивистом Научно-исследовательского отдела рукописей РГБ Д. А. Чудиновым.

⁶ Сын Ивана Васильевича Говорова, старшего брата святителя Феофана.

⁷ Сын Гавриила Васильевича Говорова, младшего брата святителя Феофана.

Ивана Гавриловича Переверзева⁸, окончившего в 1859 г. Санкт-Петербургскую духовную академию и преподававшего в Тамбовской семинарии. В дальнейшем Пелагея Сергеевна принимала самое горячее участие в жизни сразу двух племянников. Процесс воспитания оказался весьма хлопотливым делом, и здесь на помощь пришла Лукомская: она на годы брала на себя попечение об Алексее Гавриловиче Говорове.

В 1860 г. Иван Гаврилович Переверзев женился, был рукоположен в иерея и в самом конце 1860 г. получил назначение в Шацк. С этого времени началась его переписка с дядей, длившаяся до последних лет жизни святителя. Это был духовно самый близкий родственник Феофана. В письмах к нему епископ Феофан делится семейными трудностями, почти в каждом из них есть упоминание о княгине.

Письмо от 4 октября (1862 г. (?))

«Берешь племянника? Добре. Поучишься воспитывать детей. Трудно, брат, крайне трудно. Алешу отсылаю к Княгине в Питер. Пусть еще годик поболтается, учась не форменно, а так, мимоходом.

Его отошлю, Ваню сдам учителю. Хочется уединиться. Толкотня надоела. — Княгиня еще здесь. Собирается ехать. Но не знаю, почему душа не лежит отпускать их. И все отлагаем. — Княгиня будет писать тебе сама. Ей понравился твой быт... и сам ты будто переменялся на лучшее. Протопопицу полюбила. Как не полюбить?» [26, с. 767–776].

Письмо от 13 декабря (?1862 г.)

«Княгиня здесь еще. Пиши ко мне в одном письме. Хотела теперь ехать, да Алеша заболел. Его посылаю с нею. Годок поболтаться» [17, 33–34].

Пелагея Сергеевна иногда выполняла сложные поручения святителя, бывала его глазами там, где преосвященный не мог лично присутствовать.

⁸ Сын Евдокии Васильевны Переверзевой, средней сестры святителя Феофана.

Во время так называемой «Дивеевской смуты» она состояла в переписке с настоятельницей Дивеевской Серафимой общины Марией Ушаковой, а в мае 1861 г. по поручению епископа Феофана ездила в Саров и Нижний Новгород, чтобы на месте увидеть происходящее там и информировать владыку. Ее письмо-отчет к святителю хранится в РГИА [20], копию его нам предоставил священник Георгий Павлович из с. Дивеева. Письма Лукомской практически не сохранились. Приводим несколько выдержек из этого письма, чтобы дать представление о кругозоре княгини, об особенностях ее письма и орфографии.

«...Л. 50 об. Весь этот произвол делался именем Императрицы. Сперва тайком о том говорили, теперь гласно, и благочестие Царицы стало пугалом не только для обители, но для страны, ибо Лукерья <Васильева> громко заявляет, что она все может сделать, почему некоторые даже из мирских, страха ради и взыскания милости, становятся в рядах ея. Некоторые спрашивали меня, но я положительно отвечала, что Государыня в этом не участвует. <...>

Л. 51. Все, что пишу Вам, Владыко, вероятно отчасти достигло и слуха Вашего, всем то известно, но тайных пружин, которые фактически я знаю, дух их общества иначе не могу Вам передать, как лично. На это надо много, много слов и очень важно то в нравственном и религиозном отношении. Скажу одно Вам, тут широкий план хитро /л. 51 об./ сплетеной, чтоб снова водворить Иосафа. <...>

Пр<еосвященный> Нектарий дал ей <Лукерье Васильевой> задачу говоря: „Теперь нам надо умиротворить против нас Княгиню“ т. е. меня, вследствие чего Лукерья приезжала ко мне с низкими поклонами, прося приехать к ним в обитель. Я ей ответила, ежели Господь избрал ее, то и помощь Его будет, а происки людей разорит в конец, но к ним не поеду, ибо обман и ложь, которых трепещу, стали у них ходячей монетой. <...>

Л. 52. Тяжко от всех слухов... имя Архиеерея так опозорено, с трудом читала. Я думаю, Герцен устранился (*так в оригинале!*)

бы и более поберег хотя не человека, а сан. Соблазн силен и велик, и повсюден <...>

Л. 52 об. ...Опять повторю Вам, Высокопреосвященнейший Владыко, что совесть и горе заставляют меня все поведать Вам и Вам одним, более никому не пишу ни Потемк., и никому из принимавших участие, Графа вы сами известите. Мне же сильно нездоровится, трудно передавать подобное, и мысль о Вас — в ней нахожу упокоение духу моему.

У ног Ваших Владыко, хоть разок молитвенно вздохните о мне и благословите глубоко Вас чтущую и неизменно Вам преданную.

Вашего Высокопреосвященства всепокорнейшую княгиню Пелагию Лукомскую
8-го Июня 1861 [20].

Летом 1863 г. епископа Феофана переводят во Владимир, туда же переезжают и его племянники.

Иван Говоров продолжил учебу во Владимирской семинарии. 16 апреля 1865 г. он женился на Александре Николаевне Доброхотовой [3, л. 39 об. — 40], был диаконом, а потом священником во Владимирском Княгининском женском монастыре, имел собственный дом неподалеку от монастыря. Княгиня, как это видно из переписки, постоянно жила в Москве, часто приезжая в недалекий от Москвы Владимир, опекала племянников святителя, деятельно участвовала в устройстве женского епархиального училища, предмета особого попечения преосвященного. Обратимся опять к письмам к Ивану Гавриловичу Переверзеву.

Зима-весна 1865г., г. Владимир

«У нас завязывается свадьба.

Недавно была Княгиня. Оправляется, но плохо... по беспокойству, которое иногда сама на себя накликает. — Бурсу девичью открыла. Красавиц набрала таких, что мочи нет. Шалят, бегают, резвятся. — Весело» [27, с. 859–870].

Письмо от 4 сент. 1865 г.

«Княгиня была на днях. Поминала вас — с обычной любовью, и всякими благопожеланиями. Ваши 5 лет хороших напомнили ей — ея 7 лет горьких. Но прошедшие горести не тяжелы. Избави Господь от настоящих». [28, с. 413–421].

Летом 1866 г. святитель Феофан получил разрешение поселиться на покое в Успенской Вышенской пустыни. К этому времени два старших племянника Феофана были семейными людьми. Оставался во Владимире четырнадцатилетний Алексей Говоров, семинарист Владимирской семинарии, он переходил во второй (философский) класс⁹. Беспокоясь о нем, святитель просил подыскать для помощи ему в занятиях ученика богословского класса, выбор пал на Алексея Покровского. На Рождественские каникулы Алеша с Покровским гостили в Москве у Пелагеи Сергеевны, а летом Алеша совсем перебрался к ней. Думаем, он и дальше продолжал жить у Лукомской или около нее вплоть до своей женитьбы. Алексей Гаврилович в «Воспоминаниях» писал: «Вскоре по удалении преосвященного на покой ему удалось устроить меня в Москве у одной почитательницы его княгини П. С. Лукомской, любившей меня, как родного сына» [1, с. 6].

Преосвященный Феофан, живший уже в Вышенском монастыре, неустанно руководил занятиями А. Покровского с Алешей. Завязалась обширная и содержательная переписка. Для воссоздания образа Лукомской с максимальной полнотой нам особенно интересны два письма святителя, из которых приводим выдержки.

А. П. Покровскому. 1 марта 1867 г.

«Приходит на мысль мне, что Вас могла сбить с толку княгиня. У нее есть неисправимый грех — хвалить в лицо. И мне ду-

⁹ В то время каждый класс семинарии длился 2 года. 1-й класс — риторика, 2-й класс — философский, 3 — богословский.

мается, что, когда Вы были у нее, она отпустила Вам несколько велехвалебных фраз. Это могло вскружить у Вас голову и зародить мнение о себе и самоуверенность. Это тонкие чувства, они сидят иногда в душе такой, которая толкует о смирении и себя сознает смиренною. В таком настроении, не дивно, Вы могли высказать то, за что назвали Вас гордым. <...> То же, что наваяно речами княгини, заботьтесь выбросить. Речи такие — самое злое для Вас дело»¹⁰ [2, с. 51–53].

А. П. Покровскому. 24 марта 1867 г.

«Относительно влияния речей княгини — с опыта говорю. Я постарше Вас, а испытывал их дурное действие. Смотрю, что за пропасть, что дело не так пошло... Уж насилу догадался... и запретил ей курить. Слушаешь, как мед пьешь... и потом какое воодушевление бывает! Но в парении ума непременно что-нибудь нагородишь. Со мною было это, отчего не быть тому же и с Вами. Самим Вам это трудно заметить. Можно в мыслях себя смирать; но гордение может проходить ниже мыслей, в глуби сердца» [2, с. 54–55].

В письмах святителя конца 1860-х — начала 1870-х гг. упоминания княгини и Алеши идут неразрывно. Она устраивала Алешу в Московскую семинарию, заботилась о его слабом здоровье, хлопотала о местах работы, искала невесту и пр.

К протоиерею И. Г. Переверзеву. 10 января 1871

«В Москве княгиня больная и не выходит.

Алеша¹¹ лежит в клинике...» [25, с. 638].

2 мая 1873 г.

«Княгиня пишет, что нашла для Алеши невесту — у какого-то святого священника, — и дело будто слаживается» [24, с. 637–651].

¹⁰ Из «Воспоминаний о преосвященном Феофане, бывшем епископе Владимирском. Преподавателя Симбирского кадетского корпуса А. Покровского».

¹¹ Алексей Гаврилович Говоров.

Живя в Москве, Пелагея Сергеевна продолжала выполнять некоторые поручения Феофана, о чем свидетельствуют письма:

Письмо иерею В. П. Нечаеву

«Если милость Ваша будет — прошу покорно слать Ваш журнал одной моей знакомой, которая богата духом, но не карманом... адрес ее: на Спиридоновке, близ церкви в доме г-жи Оболонской — княгиня П. С. Л.

О. Николай Спиридоновский¹² ее знает хорошо» [7, с. 429–430].

Иерею В. П. Нечаеву. 26 июля

«Из числа моих экземпляров потрудитесь отослать княгине той, которой и экземпляр журнала шлете (ПСЛ — на Спиридоновке, в доме г-жи Оболонской), 10 экземпляров. Она там раздаст, кому нужно из наших знакомых» [7, с. 430–432].

В 1874 г. Пелагея Сергеевна решила поселиться в Дивеево, но эти планы по каким-то причинам не осуществились.

К А. Д. Тарбеевой. 30 декабря 1874 г.

«Княгиня точно собралась совсем в Дивеево. Верно, умирать хочет» [7, с. 160].

К протоиерею И. Г. Переверзеву. 1 января 1875 г.

«Княгиня вяла и совсем собралась в Н. После Пасхи поедет. Как-то после нее пойдет» [25, с. 647].

Насельнику Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне иеромонаху Арсению (Минину). 3 июля 1875 г.

«Княгине на один предмет нужно бы послать денег.

Послал бы Вами присланные, да пришло на мысль Вас попросить — дайте ей, пожалуйста, такую же сумму. Это крайне ей нужно» [4, с. 113–115].

¹² Лавров Николай Дмитриевич (1803–07.12.1881).

В 1876 г. Пелагея Сергеевна заболела и уже не поправилась до своей кончины.

К А. Д. Тарбеевой. 9 февраля 1876 г.

«А слышали Вы о болезни княгини? Удар в мозг. Она ходит и понимает все, что говорят и что делается вокруг. Но мыслей своих и желаний выразить не может. Язык произносит совсем не зная какие слова. Когда ей что нужно, она то знаком, то словами натуживается дать о том зная. Как никто ничего не понимает, махнет рукой и заплачет. Без слез, говорят, смотреть на нее нельзя. Вот что Бог послал. Прошу Ваших молитв» [6, с. 453–454].

К протоиерею В. П. Нечаеву. 21 марта 1876 г.

«Шлите книжки к княгине Л. Она понимает и себя, и все окружающее... а высказать ничего не может... язык не служит» [8, с. 211–212].

К А. Д. Тарбеевой

«Были ль в Москве, видели ль княгиню и как нашли ее? Не поняли ли нечто в ее состоянии. Ни язык выговорить, ни рука написать то, что она хочет, не хотят. Се диво! А она все понимает. Вот затвор-то. Хочешь не хочешь, а сиди одна сама с собою... да с Господом» [6, с. 443–455].

К протоиерею В. П. Нечаеву

«...Княгини уже нет в Москве. По случаю болезни ее взяла сестра, начальница Мариинского института. Высылайте, пожалуйста, туда „Душеполезное чтение“ по такому адресу: в Санкт-Петербург, начальнице Мариинского института ее превосходительству Марии Сергеевне Ольхиной... для передачи княгине Лукомской» [8, с. 218–219].

К А. А. Шишковой

«Хорошо Вы сделали, что посетили болящую княгиню. <...>

Княгиня очень высокой нравственности и духа христианского» [5, с. 136–137].

Княгиня Пелагея Сергеевна Лукомская скончалась 7 декабря 1877 года в Петербурге, отпевали ее в храме Рождества Христова на Песках, близ Мариинского института и ее последней квартиры. Приводим запись из метрической книги этой церкви.

«Церковь Рождества Христова на Песках. 1877 г. Ч. 3: о умерших.

№ 197 ж. п.

Скончалась 7 декабря, отпевали 9 декабря 1877 г.

Служившего в С.-Петербургском Императорском Воспитательном Доме смотрителем строительных материалов, титулярного советника князя Лукомского вдова Пелагея Сергеева. От размягчения мозга. 63 лет.

Отпевал протоиерей Николай Парийский. Погребена на Смоленском кладбище» [30, л. 330 об. — 331].

А. Д. Тарбеевой. 16 декабря 1877 г.

«То, о чем писано¹³, уже ожидалось со дня на день... Упокой Господи новопреставленную. Она была добрая и искренно верующая. Кое-какие спицы постерлись последними страданиями» [6, с. 592–593].

В. Т. Свиридовой. 12 января 1878 г.

«Княгиня будет нашею молитвенницею. Господь не презрит трудов ее... За день причастилась. Она все была с Господом. Он, верно, принял ее... руками ангелов» [9, с. 24–25].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Говоров А. Г.* Воспоминания о преосвященном Феофане Затворнике близкого родственника. М., 1894. С. 6.

13 Кончина П. С. Лукомской.

2. Вера и разум: журнал богословско-философский, издаваемый при Харьковской духовной семинарии. 1895. Т. I. Ч. I. Отдел церковный. С. 51–53.
3. ГАВлО (Государственный архив Владимирской области). Ф. 556. Оп. 2. Д. 226. Л. 39 об. — 40. № 2.
4. Душеполезное чтение. 1875. Ч. 3. С. 113–115.
5. Душеполезное чтение. 1895. Ч. 2. С. 136–137.
6. Душеполезное чтение. 1904. Ч. 1. С. 453–454.
7. Душеполезное чтение. 1909. Ч. 1. С. 160.
8. Душеполезное чтение. 1910. Ч. 1. С. 211–212.
9. Душеполезный собеседник. 1908. Вып.1. С. 24–25.
10. ИР НБУ (Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского) 160 N1968. Письма преосв. Феофана родным и др. адр. Копия. Л. 33–34 об.
11. *Каменская М. Ф.* Воспоминания / Подгот. текста, сост., вступ. ст. и коммент. В. М. Боковой. М.: Худож. лит., 1991. С. 121–122.
12. *Каширина В. В.* Истолкование духовного сна княгини П. С. Лукомской святителем Феофаном и преподобным Амвросием Оптинским // Феофановские чтения: Сб. науч. ст. Вып. XII. Рязань, 2019. С. 31–38.
13. *Ключарев А.* Преосвященный Феофан Затворник и его пастырская деятельность // Православный собеседник. 1904. Ч. 2. С. 49.
14. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Ч. I–VIII. СПб., 1894–1902. Ч. VII. С. 90.
15. *Краско А. В., Ольхина Г. К.* Санкт-Петербургское купечество. Вып. 1: Роды, возведенные в потомственное дворянское достоинство: родословные росписи. СПб: РНБ, Центр генеалогии, Русское генеалогическое общество, 2016.
16. *Лисицына Г. Г.* Князь Лукомский и его дневник // Звезда. 1998. № 7. 1998. С. 127–158.
17. О внесении в дворянскую родословную книгу. 1791–1918 гг. Кусовой Хионы Николаевны. 06.02.1837–01.03.1838 // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп.6. Д. 512. Л. 15.

18. Письма кн. Лукомской о всемилостивейшем пособии // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 82. Д. 213.
19. НИОР РГБ. Ф.11/1. К.64. Ед.хр.41. Лл.1–2 об.
20. РГИА. Ф. 797. Оп. 31. Д. 11.
21. С.-Петербургский уезд. 1850 г. // ЦГИА. Ф.19. Оп.124. Д. 288. Л. 267.
22. Саитов В. И. Петербургский некрополь: В 4 т. / Изд. Вел. кн. Николай Михайлович. Т. 4: Д–Л. СПб., 1912. С. 703.
23. Смоленское кладбище. 1852г. // ЦГИА. Ф.457 Оп.1 Д.49. Лл. 131 об. — 132.
24. Христиан. Pisma Hristianin. 1910. №3. С. 637–651.
25. Христиан. Pisma Hristianin. 1910. №3. С. 638.
26. Христиан. Pisma Hristianin. 1910. №12. С. 767–776.
27. Христиан. Pisma Hristianin. 1910. №4. С. 859–870.
28. Христиан. Pisma Hristianin. 1910. №7. С. 413–421.
29. ЦГИА. Ф. 19. Оп. 124. Д. 660. Л. 259 об. — 260.
30. Церковь Рождества Христова на Песках. 1877 г. Ч. 3 о умерших // ЦГИА. Ф. 19. Оп. 126. Д. 17. Л. 330 об. — 331. Публикуется впервые.
31. ЦИАМ. Ф. 2355 Фонд Теософского общества. 1822–1927. Оп. 1. Д. 262. Письма Феофана преосв. к Бурачку С. О. Л. 67. Письмо иеромонаха Феофана к С. О. Бурачку от 14 декабря 1854 г.
32. Чудинов Д. А. Материалы, связанные со святителем Феофаном (Говоровым), найденные в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (с января по июль 2012 года) // Феофановские чтения: сб. науч. ст. Рязань, 2013. Вып. VI. С. 111–117.

Чудинов Д. А.

Chudinov D. A.

**КНИГИ ИЗ КЕЛЕЙНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА В ОР РГБ**

**BOOKS FROM THE CELL LIBRARY OF THEOPHAN
THE RECLUSE IN THE RSL**

Аннотация. Святитель Феофан в период затвора приобрел значительную библиотеку рукописных книг. Автор данной статьи исследует судьбу келейной библиотеки Вышенского Затворника. На данный момент в отделе рукописей Российской государственной библиотеки найдены всего три книги, находившихся в келье архипастыря.

Abstract. Saint Theophan acquired a significant library of handwritten books during the period of the closure. The author of this article explores the fate of the Recluse's of Vysha cell library. At the moment, only three books have been found in the manuscripts department of the Russian State Library, which was in the cell of the archpastor.

Ключевые слова: святитель Феофан, Российская государственная библиотека, келейная библиотека, книги, рукописи.

Key words: St. Theophan, Russian State Library, cell library, books, manuscripts.

Недавние находки, сделанные в Отделе рукописей РГБ, дают повод еще раз обратиться к истории келейной библиотеки святителя Феофана Затворника (1815–1894). Преосвященный Феофан, затворившись от мира в келье уединенной Вышен-

ской пустыни, затерявшейся в лесах Тамбовской губернии, до последних дней собирал издания и рукописи. Сведения об объеме и составе библиотеки известны нам из подробного описания, сделанного вскоре после кончины святителя библиотекарем Московской духовной семинарии Николаем Александровичем Колосовым, а также из хранящейся в Афонском Пантелеимоновом монастыре описи. Объем келейной библиотеки составлял примерно 3400 томов, не считая периодических изданий и брошюр. Колосов разделил книги библиотеки на 20 тематических разделов: патрология Миня; Священное Писание; христианская апологетика и история религий; богословие нравственное, сравнительное и догматическое; библейская и евангельская история; патрология; общая церковная история; история западных христианских исповеданий; русская церковная история; проповеди; литургика; философия; всеобщая история; русская история; литература; медицина; естествознание; языкознание; картография и периодика.

В 1895 году скончался любимый племянник святителя Феофана — Алексей Гаврилович Говоров. Его несовершеннолетние дети остались круглыми сиротами, поэтому назначенные опекуны приняли решение продать библиотеку, чтобы обеспечить их существование. Покупателями стали московские купцы, потомственные почетные граждане, крупные промышленники и благотворители Александр (1850–1917), Михаил, Сергей и Константин Лосевы. После приобретения Лосевы пожертвовали собрание книг и рукописей святителя Феофана в открытую по указу императора в 1897 году приходскую библиотеку-читальню при московском храме святителя Николая Чудотворца в Толмачах. Приходской библиотеке было присвоено имя Луки и Матвея Васильевичей Лосевых, и по решению совета храма ей мог бесплатно воспользоваться любой желающий. В 1903 году библиотека храма в Толмачах переехала в специально построенное для нее новое двухэтажное здание, где разместилась церковно-приходская школа. После революционных событий 1917 года Толмачевская библиоте-

ка прекратила свое существование, и ее судьба долгое время оставалась неизвестной.

Еще в 2011 году мне удалось установить, что после революции приходская библиотека храма в Толмачах поступила в библиотеку Общества любителей духовного просвещения (Лихов переулоч, дом 6), с 1917 года находившуюся в ведомстве Государственного Исторического музея [6, с. 103; 5, с. 97–98]. В октябре 1921 г. Исторический музей передал библиотеку в Лиховом переулке Государственному Румянцевскому музею. Летом 1922 года филиальное отделение Румянцевского музея в Лиховом переулке в связи с сокращением штата служащих было закрыто, и в октябре того же года всю Толмачевскую библиотеку (она же библиотека святителя Феофана) перевезли в основное помещение библиотеки музея. Через два года, в 1924 году, на основе библиотеки Румянцевского музея была открыта Государственная библиотека Ленина (ныне — РГБ). Со временем заботливо собранные святителем Феофаном книги и рукописи разошлись по разным библиотечным фондам Ленинской библиотеки.

В этом году мне удалось выявить в фондах Отдела рукописей Российской государственной библиотеки три рукописные книги, являвшиеся ранее частью келейной библиотеки святителя Феофана. На листах всех трех рукописей проставлен штамп Толмачевской библиотеки: «Приходская библиотека имени Луки и Матвея Васильевичей Лосевых». Такой штамп был проставлен на всех книгах и рукописях святителя Феофана после того, как они оказались в Толмачах. Следует отметить, что в составе Толмачевской библиотеки находились не только книги и рукописи, принадлежавшие святителю Феофану. Так, настоятель храма в Толмачах и редактор «Душеполезного чтения» протоиерей Димитрий Касицын пожертвовал в приходскую библиотеку свое книжное собрание. Эти книги, помимо штампа библиотеки Лосевых, имеют штамп «Из книг заслуженного профессора протоиерея Димитрия Феодоровича Касицына». В этой связи особенно важно отсутствие на ли-

стах выявленных в Отделе рукописей РГБ документов каких-либо иных штампов, кроме штампа библиотеки Лосевых. Это позволяет с большой долей вероятности утверждать, что все три обнаруженные рукописи являлись частью именно келейной библиотеки святителя Феофана.

Первая выявленная рукописная книга — Литургия Иоанна Златоуста с дополнительными статьями [1]. Она датирована концом XVI — началом XVII в. Рукопись была создана на Балканах (возможно, в самом Константинополе), написана коричневыми чернилами, рукой одного писца, каллиграфическим литургическим минускулом. На листах — киноварные инициалы с изображением стилизованных листьев, птиц, драконов. Объем рукописи составляет 40 листов. Интересно, что данная Литургия Иоанна Златоуста поступила в ГБЛ значительно позже всей Толмачевской библиотеки — между 1928 и 1932 годами.

Вторая выявленная рукописная книга — это Летописный свод [2]. Сохранность рукописи неполная — в ней отсутствует начало. Книга написана полууставом, переплет — доски в коже с золотым и простым тиснением. Объем рукописи — 462 л. Летопись близка к Софийской I и Уваровской, доводит повествование до 26 июня 1709 года (победа над шведами). Помимо летописи, рукопись содержит Правду Русскую пространную (без конца) и Устав князя Ярослава. Между листов книги были вложены два исписанных скорописью листа, ныне выделенные в отдельную единицу хранения [4]. Листы озаглавлены: «Приличие апокалипсических семи церквей», датированы первой четвертью XIX в., автор не установлен.

Третья выявленная рукописная книга — это «Защитительные писания Иакова Бема» — известного немецкого мистика и теософа Якоба Бёме (1575-1624) [3]. Рукопись датирована началом XIX в., написана рукой Семена Ивановича Гамалеи¹ (1743–1822). Объем рукописи — 221 л. Переплет — картон-

¹ Гамалея, Семен Иванович (1743–1822), переводчик, поэт и масон, один из сподвижников Н. И. Новикова.

ный, с кожаными корешками и углами. На корешке тисненый золотом заголовок. На л. II — автограф Николая Ивановича Новикова² (1744–1818) — запись переплетчику: текст заголовок в рамке и указание — «Переплесть в корешок, как и прежняя». На л. III миниатюра черной акварелью — «Фигура к защитительным писаниям». За ней — «Изъяснение фигуры к защитительным писаниям». Также рукопись содержит «*Libri apologetici*» — «Защитительные писания против Валтасара Тилкена, силезского дворянина» (1621 г.), «*Antistiefelius*» — «Рассуждение о книжице Исаии Штифела Лангензальцского о тройственном состоянии человека и о новом рождении его» (1621 г.), «О заблуждении толков Исаии Штифела и Иезекииля Мета касательно до совершенства человека» (1622 г.), «*Apologetica contra Gregorius Richter*» — «Защитительная речь против Григория Рихтера, первенствующего приходского священника в Герлице» (10 апреля 1624 г.), а также «Письменное ответствие к магистрату Герлицкому против хуления, лжи и гонения оногo настоятеля на напечатанную книжицу о покаянии» (3 апреля 1624 г.).

В настоящее время Толмачевская библиотека уже не представляет собой единого целого. Три рукописи из келейной библиотеки святителя Феофана выявлены в Отделе рукописей РГБ, ряд печатных изданий — в ее основном фонде. Одна греческая рукопись со штампом библиотеки Лосевых находится в Российской национальной библиотеке (РНБ). Несколько изданий со штампом библиотеки Лосевых попали в фонды Национальной библиотеки Республики Беларусь и Белорусского государственного университета культуры и искусств. Более того, книги со штампом библиотеки Лосевых нередко появляются на различных интернет-аукционах (аукционный дом «Кабинетъ», аукционный дом «Литфонд» и др.). Это лишает нас надежды когда-либо — физически или виртуально — со-

² Новиков, Николай Иванович (1744–1818), известный русский просветитель, критик, журналист и издатель, общественный деятель и масон.

брать библиотеку святителя Феофана Затворника воедино. Остается только сохранять то, что еще возможно сохранить.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ОР РГБ. Ф. 181 (Собрание рукописей на греческом языке). № 38.
2. ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 5710.1.
3. ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 5733.
4. ОР РГБ. Ф. 178. № 5710.2.
5. Отчет Государственного Румянцевского музея за 1916–1922 годы. М.: Государственное издательство, 1923. С. 97–98.
6. Чудинов Д. А. Поиск и выявление материалов, связанных с именем святителя Феофана Затворника, в фондах Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки // Феофановские чтения. Сборник научных статей. Вып. 5. Рязань, 2012. С. 103.

ТРУДЫ МОЛОДЫХ БОГОСЛОВОВ

УДК 276

Чесноков М. А.

Chesnokov M. A.

УЧЕНИЕ СВТ. ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА О ЦЕННОСТИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ КАК ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ РОССИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ XIX В.

THE TEACHING OF SVT. THEOPHAN THE RECLUSE ON THE VALUE OF SPIRITUAL LIFE AS A CHALLENGE TO THE RUSSIAN SOCIETY OF THE XIX CENTURY

Аннотация. XIX век является непростым для русского народа; в силу отсутствия национальных идей происходит социально-религиозный упадок в сознании общества. В это столетие наблюдается расцвет сектантства, нигилизма и иных антицерковных мировоззрений. Но стоит отметить, что данный исторический период является и расцветом духовной жизни во многом благодаря святителю Феофану. Автор данной статьи анализирует учение свт. Феофана о спасении и доказывает его актуальность в наши дни.

Abstract. The XIX century is not easy for the Russian people, due to the lack of national ideas, there is a socio-religious decline in the consciousness of society. The century is conditioned by the development of sectarianism, nihilism and other antichurch worldviews. But it is worth noting that this historical period is also the heyday of spiritual life, thanks to St. Theophan. The author of this article highlights the sateriological aspect of the archpastor's teaching and proves its relevance in our days.

Ключевые слова: святитель Феофан, путь ко спасению, духовная жизнь.

Key words: St. Theophan, The way to salvation, spiritual life.

*Рождённое от плоти есть плоть,
а рождённое от Духа есть дух
(Ин. 3:6)*

Русская богословская мысль в XIX в. переживала эпоху своего наивысшего расцвета [11, с. 227], особенно после долгих лет инославного влияния и синодального «гонения». Произошли значительные достижения в области догматического, литургического и нравственного богословия, а также канонического права, развивались церковно-историческая наука, иконопись и гимнография; в целом произошёл некий «богословский ренессанс» — возврат к святоотеческому наследию. Этими «возродителями» святоотеческого учения были такие духовные светила того столетия, как свт. Игнатий (Брянчанинов), прав. Иоанн Кронштадтский и особенно митр. Филарет Московский. В одном ряду с ними стоит святитель Феофан Затворник (1815–1894). Будущий прославленный Вышенский богослов родился и жил в довольно непростую эпоху для Российской империи в целом и для Русской Церкви в частности: нашествие «Великой армии» Наполеона Бонапарта, участие в затяжной Кавказской кампании, поражение в Крымской войне, вооружённые конфликты с турками и персами, кровавые восстания поляков вкупе с тяготами промышленной революции, агонизирующими осложнениями крепостного права и отсутствием реформ во многих сферах жизни.

Особо стоит сказать о социально-религиозном упадке и философском брожении среди населения, вызванными неимением национальной идеи, распространением нигилизма и проблемами эпохи «великих реформ» 1860-х гг., а вершиной айсбер-

га явилось наличие во главе Святейшего Синода далёких от религии людей; хотя и талантливые деятели, безусловно, тоже были. Крестьянское сословие, занимавшее ок. 80 % населения в стране [4, с. 39], подвергалось «к религиозной теплохладности, а в исключительных случаях и к утрате веры, <...> в народе умножились случаи отпадения в сектантство» [11, с. 275]. Среди общественного самосознания интеллигенции к Русской Православной Церкви прохладно или вовсе враждебно относились сначала «александровские» масоны, затем — «николаевские» западники, а позже — народовольцы и ранние революционеры. Ко всему прочему нельзя забывать о поликонфессиональном организме Российской империи: в государстве сосуществовали большие общины мусульман, иудеев и католиков, имели своё влияние различные протестантские деноминации — это всё в сумме также влияло на самосознание православных христиан в стране.

Именно в такой непростой эпохе приходилось духовно окормлять обширную православную паству свт. Феофану Затворнику. Как и св. Тихон Задонский, свт. Феофан также избрал для себя затворнический путь — одну из разновидностей отшельничества, несвойственную периоду Нового времени. Таким путём святитель не бежал от поля брани, а наоборот — убежав от мира, он прибегал на помощь всем нуждающимся, своим духовным уединением он полностью посвятил себя служению людям, следовательно, и Богу. Ведь сказано в Писании: «Кто говорит: „я люблю Бога“, а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1 Ин 4:20). Свт. Феофан Затворник, разумеется, в своей вышенской келье не видел никого (за исключением настоятеля, духовника и келейника), но тем не менее ему поступало громадное количество писем — от 20 до 40 в день, — которые «получались от самого разнородного круга лиц: <...> от собратий-архипастырей и высокопоставленных светских сановников с титулами князей и графов до крестьянина в деревне и послушника в монастыре;

<...> от мужей науки и высшего образования до едва грамотного корреспондента; <...> от тяжкого грешника, кающегося и борющегося со страстями, до отшельника и схимонаха, погасившего в себе не только страсти, но и интерес к самой земной жизни» [5, с. 291]. Вышенский Затворник отвечал на все прошения с тёплой отеческой любовью, ибо видел духовную нищету в народе, особенно в тяжёлой второй половине XIX в.

Основной корпус сочинений свт. Феофана направлен на духовную жизнь: её рождение, развитие и поддержание. На фоне романтической эпохи XIX в. остро стояла проблема принятия духовной жизни, шёл процесс на поправление духовных ценностей. Однако насколько же вообще духовная жизнь отвечала тому самому вызову времени для российского общества позапрошлого столетия? Насколько учение свт. Феофана отвечало духовным потребностям и что оно приносило народу? Святитель-затворник много рассуждал о богатых плодах духовной жизни. Разумеется, применение его учения действительно в Православной Церкви, а потому можно смело говорить о христианской жизни — высшей духовной жизни для христианина. Доказательством истинности Православия являются дары от Господа — видимые чудотворения, прозорливость, нетления мощей [7, с. 39]. В своей знаменитой книге «Путь ко спасению» свт. Феофан разложил каждый шаг из общей схемы ведения духовной жизни; одним из её непростых этапов является самое начало, чтобы уже начать понимать целесообразность духовной жизни, необходимо разобраться в её зарождении, исходя из учения свт. Феофана Затворника.

Свт. Феофан Затворник не только писал о пути ко спасению, но и сам проходил его, поэтому можно смело подчеркнуть не только его крупные теоретические познания в богословии и многолетний стаж в преподавании, но и личный богатый духовный опыт. «Воскресив своей жизнью идеал истинного подвижника древней Церкви и показав нетленную красоту его, преосвященный Феофан явился ярким духовным светочем, указывающим путь современному ему обществу к истине и

добр» [1, с. 201], — как красиво заметил биограф Затворника архим. Георгий (Тертышников). Своими письмами святитель «многих спас от духовной смерти, многих возродил к новой жизни, многих направил на путь истины и всем указал действительные средства к нравственному усовершенствованию» [1, с. 213].

Если духовная жизнь есть некое огромное дерево, то его корнем является уверенность в Боге, о чём непрестанно говорил Вышенский пастырь [9, с. 222–223]. Сама важность духовной жизни заключается в её следствии, а именно в спасении — главной цели христианина, этим и объясняется высокая ценность трудов святителя, учитывая, что это «крайне важная и мало-освоенная тема» [3, с. 417] в богословии. «Наука побеждать в этой невидимой брани предельно своевременна и актуальна» [3, с. 418], — как замечает современный исследователь этой темы. К слову, победа в военной кампании, открытие гелиоцентрической системы и даже создание ядерного оружия не сравнимы с начертанием христианского нравоучения, особенно ясно изложенного в наследии свт. Феофана Затворника.

Духовная жизнь христианина предполагает жизнь во Христе и со Христом, «христианская жизнь есть ревность и сила пребывать в общении с Богом деятельном, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, исполнением святой воли Его, во славу пресвятого имени Его» [8, с. 12]. Как отмечает сам свт. Феофан Затворник в своём письме: «Истинная во Христе жизнь есть жизнь сокровенная, таинственная» [6, с. 10]. Его знаменитые слова о самой христианской жизни изложены в его другом письме: «Существо жизни христианской состоит в том, чтобы стать умом в сердце пред Богом в Господе Иисусе Христе, благодатию Святого Духа, и, оттуда управляя всеми движениями внутренними и всеми действиями внешними, всё в себе, и малое, и великое, обращать в служение Богу Триипостасному, пожершись [принеся себя в жертву — М. Ч.] Ему всецело сознанием и свободой» [6, с. 15]. Именно такую нравственно-догматическую форму-

лировку излагает в своём пути ко спасению свт. Феофан Затворник своим духовным чадам.

Зарождается духовная жизнь христианина в таинстве Крещения — церковном священнодействии, в котором верующий при троекратном погружении тела в воду с призыванием Бога Отца, и Сына, и Святого Духа умирает для жизни греховной и возрождается Святым Духом в жизнь святую [10, с. 74]. Свт. Феофан Затворник сравнивал Крещение с Дверью в Дом Божий [8, с. 26]. Иначе невозможно, о чём и говорил Сам Христос: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3:5). Следует добавить, что ещё с раннехристианского периода существует институт оглашенных для тех, кто собирался осознанно принять Крещение. Для этого оглашенные проходили катехизацию, к чему подходили ответственно. Об огласительной практике писали такие свв. отцы, как свт. Кирилл Иерусалимский, блж. Августин и другие. До сих пор Литургии верных предшествует Литургия оглашенных, оканчивающаяся призывом «Елицы, оглашенные, изыдите...».

Далее новокрещённый принимает Миропомазание — таинство, в котором верующему при помазании частей тела освящённым миром подаются дары Святого Духа, возвращающие и укрепляющие в духовной жизни [10, с. 78]. Так человек становится чадом единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Облекшийся во Христа и принявший Святого Духа христианин должен сохранить до конца своей жизни ту благодать, которую он получил. Однако, понятное дело, не всем это удавалось, даже святые угодники при жизни теряли благодать, которую позже возвращали, для этого в Церкви существует Покаяние.

Свт. Феофан Затворник много рассуждал о высоких преимуществах сохранившим благодать Крещения, выделяя следующие:

1. целость естественно благодатного состава;
2. живость, лёгкость и непринуждённость доброделания;

3. ровность и безостановочность в жизни;
4. первое чувство невинности;
5. непоколебимость добродетели во всю жизнь.

Вышенский святитель писал: «Жить нам надобно так, как Бог создал нас, и когда кто не живёт так, смело можно говорить, что он совсем не живёт» [9, с. 18]. Здесь автор-затворник подчёркивает необходимость духовной жизни. «Человек не рождается христианином, а становится таковым после рождения» [8, с. 6], — отмечает свт. Феофан, добавляя, что «семя Христово падает на землю сердца уже бьющегося» [8, с. 6]. Важно понимать, что быть христианином — не значит называть себя таковым, о чём и гласит Евангелие: «не всякий, говорящий Мне: „Господи! Господи!“, войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7:21). Свт. Феофан Затворник даже отмечает: «Можно быть в числе христиан и не быть христианином» [8, с. 11]. Для яркого примера уместно здесь вспомнить Иуду Искариота и Симона Волхва. «Холодное исполнение уставов Церкви <...>, — пишет святитель, — исправность, степенность и честность в поведении ещё не суть решительные указатели, что качественно в нас истинно христианская жизнь» [8, с. 14]. После зарождения духовной жизни христианину, имеющему Бога в сердце и проявляющему любовь к делам молитвы и послушанию, важно не забывать о страстях и вести с ними необходимую невидимую брань, для которой, к слову, святитель подготовил целую духовную стратегию.

Особо стоит сказать о духовной жизни детей, учитывая их тяжёлое положение в индустриальном XIX столетии, да и помня слова Иисуса Христа: «будьте как дети» (Мф. 18:3). Самостоятельно ребёнок не сможет сделать шаг к началу христианской жизни, поэтому «православное воспитание должно быть направлено на создание условий, способствующих рождению духовной жизни и её развитию в человеке» [2, с. 443]. Благодать Крещения в младенцах расширяется от самого совершения таинства до посвящения себя Богу в Святой Церкви среди

христиан [8, с. 29], она укрощает и заглушает грех [8, с. 31], но до поры до времени, когда отроку уже потребуются самому прикладывать дела в спасении души. «Дух веры и благочестия родителей, — истинно пишет святитель, — должно почитать могущественнейшим средством к сохранению, воспитанию и укреплению благодатной жизни в детях» [8, с. 35]. От родителей необходимо не разжигать страсти к чувственным наслаждениям, а приучивать отказывать себе. «Благонадёжнейший способ врачевания страстей — употребление благодатных средств» [8, с. 49] — как верно отмечает мудрый Вышенский Затворник.

В итоге, исходя из всего вышесказанного, можно выявить насущное значение духовной жизни для полноценной естественной жизнедеятельности человека, о чём и писал свт. Феофан Затворник. Следовательно, необходимость духовной жизни не обуславливается ни местом, ни временем. Рождение духовной жизни невозможно без таинств Крещения и Миропомазания, говоря метафорически, это некие святые врата для принятия Христа в сердце. Пусть это лишь первый, но важный старт для образования духовной христианской жизни, её «забегом» стало стяжание благодати Святого Духа, а финишной чертой — спасение. Учения свт. Феофана и других святых подвижников о духовной жизни представляли высочайшую ценность всегда, вне зависимости от возраста, пола, эпохи; отсюда можно смело говорить о «вневременном» вызове времени касательно рождения и ведения духовной жизни. Высокая актуальность этой проблемы стояла как для России дореволюционной, советской и современной, так и для всего мира, поэтому учение свт. Феофана Затворника и его высокий духовный авторитет целиком и полностью отвечают на вызов времени абсолютно любой эпохи — как прошлого, так и будущего, вплоть до Второго Пришествия Господа Иисуса Христа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Георгий (Тертышников), архим. Жизнь и деятельность святителя Феофана Затворника. М., 2019.
2. Кленин В., прот. Особенности духовной жизни детей по учению святителя Феофана Затворника // Феофановские чтения. 2015. Вып. VIII.
3. Лука (Степанов), игум. Современное звучание наследия святителя Феофана, Затворника Вышенского // Феофановские чтения. 2015. Вып. VIII.
4. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы. Л., 1990.
5. Смирнов П. А. Жизнь и учение святителя Феофана Затворника. М., 2004.
6. Феофан Затворник, свт. Письма о духовной жизни. М., 2010.
7. Феофан Затворник, свт. Письма о христианской жизни. Поучения. М., 2020. Письма о христианской жизни. П. 11.
8. Феофан Затворник, свт. Путь ко спасению. М., 2019.
9. Феофан Затворник, свт. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться. М., 2017.
10. Филарет (Дроздов), свт. Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. М., 2015.
11. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М., 2007.

ХРОНИКА

В 2020 году вышел четвертый том «Летописи жизни и творений святителя Феофана Затворника». Председатель научно-редакционного совета по подготовке и изданию «Летописи» митрополит Калужский и Боровский Климент в форме интервью даёт описание публикации.

УДК 248.1

**Митрополит Калужский и Боровский
Климент (Г. М. Капалин)**
кандидат богословия,
доктор исторических наук

**Metropolitan of Kaluga and Borovsk
Kliment (G. M. Kapalin)**
Candidate of Theology,
Doctor of Historical Sciences

**КНИГА, ДАЮЩАЯ ЕДИНУЮ КАРТИНУ ЖИЗНИ
И ТРУДОВ ВЫШЕНСКОГО ЗАТВОРНИКА**

**A BOOK THAT GIVES A UNIFIED PICTURE OF THE LIFE
AND WORKS OF THE VYSHINSKY RECLUSE**

Аннотация. В публикации в форме интервью дается описание вышедшего в 2020 году 4-го тома «Летописи жизни и творений святителя Феофана Затворника». Как председатель научно-редакционного совета по подготовке и изданию Летописи, митрополит Климент приводит основные характеристики

тома, цель и метод его создания, указывает временные рамки, описывает жизнь святителя в монастыре до и после ухода в затвор, приводит имена исследователей, принявших участие в его составлении. Кроме того, указаны основные адресаты переписки епископа Феофана, рассказано о новых эпистолярных находках, а также описаны черты его личности, которые раскрываются в частной переписке этого периода.

Abstract. The publication in the form of an interview describes the 4th volume of «The Chronicle of the Life and Works of St. Theophan the Recluse», published in 2020. As the chairman of the scientific and editorial board for the preparation and publication of the Chronicle, Metropolitan Clement gives the main characteristics of the volume, the purpose and method of its creation, indicates the time frame, describes the life of the Saint in the monastery before and after going into seclusion, gives the names of researchers who took part in its compilation. In addition, the main recipients of Bishop Theophan's correspondence are indicated, new epistolary finds are described, and what features of his personality are revealed in private correspondence of this time.

Ключевые слова: святитель Феофан (Говоров), Летописи жизни и творений, письма святителя Феофана, архивы, корреспонденты святителя Феофана.

Key words: Saint Theophan (Govorov), The Chronicle of the Life and Works, letters of St. Theophan, archives, correspondents of St. Theophan.

— Известно, что жизни и творчеству святителя Феофана (Говорова) посвящено немало исследований. Их авторы, начиная с тех, кто лично был знаком с подвижником, и до наших современников, — уже подробно описали жизненный путь святителя и проанализировали его сочинения. Тем не менее, Издательский совет Русской Православной Церкви,

который вы возглавляете, уже не первый год осуществляет выпуск многотомного издания «Летопись жизни и творений святителя Феофана Затворника Вышенского». Чем обоснована работа над этим проектом?

— Причин несколько. Первая — это новые источники. Большое количество документальных свидетельств о святом оказались в распоряжении Издательского совета в ходе работы над подготовкой к изданию полного собрания его сочинений. Поиск в архивохранилищах России и других стран неизвестных ранее рукописей сочинений и писем святителя Феофана дал столь много нового фактического материала о его жизни, круге общения, творчестве, что было принято решение об их публикации отдельным изданием.

Кроме того, в издании, как следует из его названия, применяется новый формат. Эта причина обусловлена первой, т. е. обилием и разнообразием источников. Мы проводим первичную научную обработку, выявляя и упорядочивая по времени все отраженные в них факты о личности святителя. Расположение их в строгой хронологической последовательности уже дало немало открытий в изучении жизни и творчества Вышенского Затворника. Несомненно, этот формат включает в себе огромный исследовательский потенциал.

В «Летописи...» недавно выявленные факты дополнены уже известными биографическими сведениями. В результате современные читатели и специалисты получают наиболее полное на настоящий момент собрание документов и публикаций о святителе Феофане. Еще ни один из исследователей его жизни не располагал такой обширной источниковой базой. Она объединяет разнообразные документальные свидетельства, включая автографические материалы: наброски и рукописи сочинений святителя, подлинники частной переписки, его резолюции, правки черновиков официальных писем, предложений консистории, записок в Святейший Синод и др. Значительное число этих документов не публиковалось и не упоминалось предыдущими биографами.

Собранные воедино документальные источники существенно расширяют возможности для исследования жизни и творчества святителя. Они помогают не только ликвидировать существовавшие прежде лакуны в изучении наследия святителя, но и поставить, и решить новые исследовательские задачи. В качестве примеров можно привести такие проблемы феофановедения, как атрибуцию адресатов святителя, выявление прежде неизвестных материалов его частной переписки, реконструкцию его работы над отдельными произведениями.

Еще одной причиной запуска проекта является коллегиальный принцип современных исследований жизни и творчества святителя Феофана. Обработать и систематизировать весь недавно выявленный материал по данной теме, а затем сопоставить новые свидетельства с уже известными фактами в одиночку не представляется возможным. «Летопись...» — это плод коллективной работы. В равной степени к принципу коллегиальности можно отнести проведение научно-практических конференций, посвященных памяти и трудам этого святителя.

В ходе конференций исследователи обмениваются результатами своей работы, вводят в научный оборот новые источники по теме. Так, о подобной находке стало известно в начале прошлого года из доклада хранителя фондов отдела рукописей РГБ Д. А. Чудинова. Есть немало других примеров. Участие в конференциях представителей научного сообщества, учащейся молодежи, церковной и светской общественности свидетельствует о востребованности наследия святителя, что еще раз подчеркивает актуальность выпуска нашего проекта.

Думаю, что издание «Летописи...» обогатит церковную и светскую науку и необычным форматом биографии писателя аскета, и новыми принципами, выработанными в ходе работы над этим проектом.

— Владыка, вы упомянули, что над «Летописью...» трудится исследовательский коллектив. Хотелось бы узнать

об этом подробнее. Расскажите, кто участвовал в подготовке к изданию последнего из опубликованных — четвертого тома «Летописи». Какие исследования для этого проводились?

— Для выпуска любого тома «Летописи...» требуется как минимум выполнить расшифровку выявленных архивных документов, провести их атрибуцию и изучение, и только потом, используя уже имеющийся материал, — свести воедино все документальные записи в хронологической последовательности. Решение названных магистральных задач, в свою очередь, требует самого скрупулезного «просеивания» архивных фондов, текстологической работы, изучения почерка святителя, параллельного поиска и копирования изданий его трудов, составления пояснительного комментария и т. п.

Конечно же, выполнить столь гигантский объем работ способен только коллектив исследователей. Основную работу выполнили сотрудники Издательского совета РПЦ и внештатные эксперты проекта. Ведь на разных этапах подготовки издания требуется помощь архивариусов, графологов и других уникальных специалистов.

Из имен в первую очередь следует назвать ответственного редактора за подготовку данного тома Наталью Владимировну Лагутину. Над поиском материалов и расшифровкой рукописей, определении участников переписки и упоминаемых в ней лиц для четвертого тома «Летописи...» трудились эксперт нашего Научно-редакционного совета Сергей Владимирович Лизунов, доктор филологических наук Варвара Викторовна Каширина, старший преподаватель Университета Российской академии образования Анатолий Николаевич Свирин, член Историко-родословного общества (Москва) и Русского генеалогического общества (Санкт-Петербург) Анна Евгеньевна Лукьянова, сотрудник Издательского совета, кандидат богословия иерей Стефан Даниленко, младший научный сотрудник диакон Григорий Слуцкий.

С благодарностью надо отметить помощь работников многих архивов. Особую благодарность выражаю игумену Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, где хранится большая часть документов святителя Феофана периода пребывания его в Вышенском монастыре.

— *Какие временные рамки охватывает вышедший том?*

— В четвертом томе собраны различные документальные свидетельства и письма, которые относятся к первым двенадцати с половиной годам пребывания святителя Феофана на покое в Выше: со дня его прибытия в пустынь 3 августа 1866 г. до декабря 1878 г. В этот период святитель устраивает свою жизнь в соответствии с духовными запросами. Внешне она протекает по монастырскому уставу, а внутренне все более устремляется к Богу.

При этом не прекращается его усердное служение Церкви: он ведет переписку с духовными лицами и до ухода в затвор принимает их в монастыре, пишет и готовит к публикации свои сочинения и переводы, полемизирует и размышляет на страницах православных изданий, касаясь наиболее животрепещущих вопросов церковной жизни и христианского подвига.

Читая четвертый том «Летописи...», нетрудно убедиться, что жизнь святителя в монастырском уединении была не менее активной и полезной для Церкви и его современников, чем все предыдущее архипастырское служение.

— *Владыка, какие из новых документов, опубликованных в четвертом томе, особенно обратили на себя ваше внимание и почему?*

— В первую очередь, это ранее неизвестные письма. Большинство из них были обнаружены на Афоне в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре в архивном фонде святителя Феофана. Разумеется, в рамках летописи корреспонденция не может быть опубликована полностью. Не вошедшие в издание материалы переписки будут исследоваться и публиковаться в

дальнейшем.

На мой взгляд, крайне интересна переписка с издателями, в частности — с издательством Афонского подворья. Этот комплекс источников содержит массу новой информации об издательской, творческой, публицистической деятельности святителя и дополняет картину его подвижнической жизни новыми штрихами и красками.

Многие оригинальные произведения, толкования и переводы святителя Феофана выходили сначала отдельными главами в периодических изданиях, брошюрах и только после редактирования и тщательной корректуры публиковались отдельным изданием. По письмам святителя афонским издателям можно проследить историю создания многих его трудов от мотива их написания, творческого замысла до технических подробностей их публикации. В этой же переписке содержатся мысли святителя о необходимости издания того или иного автора или произведения.

Еще одна находка — комплекс писем святителя Феофана, выявленный в государственном архиве Мордовии [4, с. 109–125]. Отдельно надо сказать и о переписке, которую святитель вел с приверженцами точки зрения святителя Игнатия (Брянчанинова) в «споре» святителей о телесности ангелов.

Перечисленные и другие выявленные источники содержат информацию о жизни и творчестве святителя, которая дополняет или уточняет известные факты его биографии или указывает на совершенно новые, еще неисследованные обстоятельства его пребывания в затворе, раскрывает интересы, рассуждения, убеждения, жизненные и аскетические принципы святого, а также новые грани его общения с современниками. Таким образом, обращение к четвертому тому «Летописи...» позволяет узнать много нового и поучительного.

— Как протекала жизнь святителя в монастырском уединении до и после ухода в затвор? Какие подробности об этом стали известны благодаря работе с новыми документами и материалами?

— Жизнь святителя на покое была наполнена молитвой и активным служением Церкви. Оно включало литературные, переводческие и издательские труды, беседы с духовными чадами и родными, приезжавшими в монастырь, а также обширную переписку. Неизвестные ранее источники позволяют детально проработать такие вопросы жизни святителя Феофана, как обстоятельства приезда и проживания в Успенской Вышенской пустыни, его окружение в монастыре, принципы общения с внешним миром до и после начала затвора.

Первые годы после приезда в обитель епископ Феофан принимал гостей, общался с братией и посетителями, молился в монастырском храме. Ему нравился устав монастыря, где богослужения начинались с трех часов ночи и постом длились до 10 часов.

Очень быстро убедившись, что управление монастырем отвлекает его от тех занятий, ради которых он удалился от архиерейского служения, епископ Феофан в начале осени 1866 г. официально обратился в Святейший Синод. В результате должность настоятеля Вышенской пустыни была заменена выплатой ему пенсионного содержания.

Непродолжительное время он проживал в Тамбове, так как был вынужден посещать врачей. Все, с кем он лично общался в этот период, отмечали его прежнее остроумие и веселый нрав. При этом не было пустословия, любые речи святитель сводил к разговору о спасении души. Эта тема была для него центральной и в общении, и в творчестве.

Во время пребывания на покое насущной задачей для просвященного Феофана стало устройство помещения, в котором он впоследствии проведет 20 лет до своей кончины. С тем, чтобы он мог совершать богослужения, не нарушая затвора, во флигеле была устроена небольшая домовая Богоявленская церковь. О доставке необходимых для этого строительных материалов и церковной утвари святитель просил своих друзей и знакомых. Например, доски были доставлены из Саровской

обители. Об этом есть упоминания в недавно выявленной переписке со строителем этого монастыря иеромонахом Серафимом (Пестовым).

Все это служило подготовкой святителя Феофана к затвору. Полное прекращение его личного общения с миром произошло весной 1873 г. В предыдущих исследованиях фигурирует другая дата, которая была указана в воспоминаниях его родных. Но благодаря строгой хронологии «Летописи...» уже известные письма и недавно обнаруженные архивные материалы безоговорочно указывают на Великий пост 1873 года как на начало его затворничества. Именно в 1873 году 3 марта он передал письмо своей духовной дочери¹, приехавшей в Вышу: «Милость Божия буди с Вами! Неужели Вы не видите, что если Вас принять, надо всех принимать и сверх того оказаться безответным пред теми, которым отказывалось и отказывается? ...Пост только начало. Но если в пост устою против всех нападений, то уж и навсегда так будет, если Богу угодно» [10, л. 98–99].

Первое время для епископа Феофана необходимость отказывать в приеме некоторым посетителям представляла нелегкое испытание. «Нынешний пост я положил не показываться людям и к себе никого не принимать. Две недели прошли хоть не без нападков, но те легки были. Как налетела N. N., и не знал, что делать. Насилу устоял, на волоске было мое упорство» [8, с. 41].

Всем своим постоянным посетителям он направил предупреждения, чтобы они не приезжали в Вышу для встречи с ним. 14 марта он писал другой духовной дочери²: «Нынешний пост никого к себе не пускаю, и сам не показываюсь. Это делается в виде опыта и будет так до Пасхи» [7, с. 447–448]. В итоге «опыт» затвора святитель продлил.

¹ Тамбовской помещице Анне Федоровне Урнежевской.

² Письмо адресовано тамбовской помещице Агриппине Дмитриевне Тарбеевой.

При этом к оценке своей аскезы святитель относился как обычно, с иронией: «Ничего тут затворнического нет, — писал святой полковнику С. А. Первухину в декабре 1873 года. — Я заперся, чтобы не мешали, но не в видах строжайшего подвижничества, а в видах беспрепятственного книжничества» [3, л. 1–2]. Действительно, толкования апостольских посланий и других книг Священного Писания, переводы святоотеческих творений, публикации на злободневные вопросы богословия, другое литературное творчество составляли значительную часть его ежедневных трудов. «Занятия мои утро и вечер — книжничество, а после обеда — какое-нибудь рукоделие» [5, л. 55–55 об.], — так он описывал свой порядок занятий в затворе.

Существенной частью его подвига стала переписка с самыми разными людьми: архиереями, духовенством, монашествующими, мирянами, сродными и незнакомыми. Он отвечал всем, кто обращался к нему, считая это своей обязанностью.

Письма и публикации святителя данного периода не оставляют никаких сомнений в том, что, находясь в затворе, он всецело посвятил себя служению Богу и людям, ищущим спасения. В этом могут убедиться читатели четвертого тома Летописи.

— Святитель Феофан — автор толкований библейских текстов, как Нового, так и Ветхого Завета. Четвертый том «Летописи...» вносит какие-либо дополнения о данном аспекте его творчества?

— Конечно. На страницах этого тома есть немало новых сведений, которые позволяют дополнить наши представления о трудах святителя Феофана как толкователя Священного Писания. Прежде всего, это подробности работы над переводами, которые раскрываются в переписке святителя с издателями.

Например, в четвертом томе впервые публикуются письма иеромонаху Арсению (Минину), который осуществлял в России издательскую деятельность Афонского Пантелеимонова монастыря и сам являлся автором публикаций духовно-

просветительского характера. «Благослови Господи труды Вашей обители по изданию назидательных книг, — обращался к нему святитель в декабре 1870 года. — Кроме нравоучений у нас в России крайне нужны разъяснения догматов и защищение их против недоумений умников. Не кучкою, а в разбродь; обстоятельно, но просто» [1, л. 246–249].

В конце августа 1868 г. святитель Феофан сообщал иеромонаху Арсению, что в следующем месяце собирается приступить к толкованиям: «Толкование пойдет понемножку. Сяду с конца сентября» [1, л. 241–245]. В феврале следующего года епископ Феофан пишет отцу Арсению об изменениях своих первоначальных планов: «Евангелие толковать, как я задумал, не под силу мне. Изменяем план. Всякую ученость в сторону — излагать буду самое существо дела, имея в виду сердце верующего, простое, жаждущее назиданий и вразумлений» [1, л. 774–776].

В апреле того же 1869 года святитель Феофан излагает отцу Арсению новую идею для совместных трудов: «Жизнь Спасителя издать очень хорошо. Если решитесь, я готов взять этот труд на себя»³ [1, л. 778–781]. Проблематика этого комплекса корреспонденции святителя раскрывает многие подробности написания и издания его переводов и оригинальных сочинений. Из этой переписки становится понятно, что сочинения Вышенского Затворника неслучайно занимают центральное место среди изданий Пантелеимонова монастыря.

Не менее интересны и информативны письма святителя Феофана другим издателям. Так, в октябре 1872 года он упоминает о своей работе с афонским издательством в письме к Н. В. Елагину. «Что-то Вы сказали, что о. Арсений хочет половину выручки на мою долю? ... Это дело никуда не годее. Что я делаю для афонцев, ради св. Пантелеимона делаю. Статно раз-

³ Сочинение «Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке изложенная словами святых Евангелистов» было издано в 1885 г.

ве отнимать опять у святого отданное? Кроме какого-нибудь числа экземпляров ничего не требуется» [1, л. 272–275].

В письмах к другому издателю — иерею В. П. Нечаеву святитель Феофан разъясняет концепцию своих толкований: «Прошлый раз я забыл сказать Вам, почему толкование называю «беседовательным». Потому что вношу многое, что не ожидается от толкования, а скорее от беседы. А это затем, чтоб хоть чем-нибудь размочить неизбежную в толковании сухость. Зачем нет филологических заметок? ...ученые не станут нас читать; некогда, и сами все знают. А для неученых греческие каракульки только досаду возбуждать будут. Зачем много отеческих мнений прописывается? Для православных это гораздо лучше встретить в толковании, чем ссылка на языческих писателей и мудрования иноверцев» [6, с. 429–430].

Также многое можно почерпнуть из помещенных в четвертом томе Летописи авторских комментариев святителя Феофана к изданиям своих произведений. В частности, это относится к толкованиям. Во вступлении к первой же публикации этого рода — «Пояснительные и поучительные заметки на 33-й псалом»⁴ он пишет: «Предлагаемые заметки вызваны желанием не столько дать ученое толкование псалма, сколько представить опыт, как обращаться в созидание духовное столь употребительные в церкви Давидские песни, извлекая из них уроки для упорядочения своих мыслей и доброго настроения сердца и всей жизни» [9, с. 1].

Далее святитель поясняет, почему именно этот псалом выбран им для толкования и на каких источниках оно основано. Это творения святых отцов, книги православных духовных писателей от древности до современности, а также «благие мысли» западных авторов, «особенно в том, что касается внешнего строя псалма и буквального значения слов». Перечень источников свидетельствует, насколько обстоятельно Вышенский

⁴ Изданы в Тамбовских епархиальных ведомостях в 1869 г.

Затворник подходил к написанию толкований, какой большой труд стоит за каждым его сочинением такого рода.

Помимо Шестопсалмия и еще нескольких часто употребляемых за богослужением псалмов святитель Феофан составил толкование к самому объемному комплексу новозаветных учительных книг — апостольским посланиям, а именно — апостола Павла.

Подобно псалмам, святитель Феофан брал для толкования те фрагменты Нового Завета, которые звучат в храме во время церковных служб. Это еще раз подтверждает его цель, высказанную перед публикацией первого из написанных им толкований и процитированную выше. В стремлении привести своих современников к осознанному и живому восприятию Слова Божия святитель истолковал притчу Христа о неправедном управителе, переданную евангелистом Лукой. С этой же целью были написаны «Поучения на каждый день года» — краткие размышления на новозаветные тексты, ежедневно читаемые за богослужением.

Подводя итог этому краткому экскурсу можно признать совершенно справедливыми слова племянницы святителя⁵, что в затворе он буквально сделался служителем Слова⁶ [2, л. 12].

— Наследие святителя Феофана Затворника все же не ограничивается только духовно-нравственными наставлениями. Он смело вел полемику и по вопросам богословия. Можно ожидать, что в «Летописи...» нашли отражение его взгляды на природу ангелов, например?

— Безусловно, эта тема раскрывается в Летописи его жизни и трудов с новыми подробностями. До сих пор не только читателям, но и исследователям была доступна далеко не вся

⁵ Юлии Михайловны Тихомировой.

⁶ «Вдали от людей, на лоне природы, преосвященный Феофан глубже чувствовал близость Божию и усиливал свои молитвенные подвиги. На просторе и свободе, в тишине и безмолвии соснового леса он буквально сделался служителем Слова и его речь, его святые мысли изливались на бумаге с поразительной ясностью и силою».

корреспонденция, вызванная его публикациями по этому вопросу. В брошюре «Душа и ангел — не тело, а дух» и предшествовавших ей статьях святитель Феофан оппонирует своему современнику святителю Игнатию (Брянчанинову). В четвертом томе «Летописи...» опубликованы письма святителю Феофану от сторонников точки зрения епископа Игнатия: неизвестная ранее переписка с игуменом Антонием (Бочковым) и опубликованная только частично переписка с полковником С. А. Первухиным.

Сразу же надо подчеркнуть, что святители глубоко уважали друг друга. Более того, святитель Феофан неоднократно советовался со святителем Игнатием и рекомендовал своим духовным чадам читать его душеполезные книги. В споре о природе ангелов в глазах Вышенского Затворника несколько не поколебался духовный авторитет святителя Игнатия, его «светлое лицо ни на одно мгновение не помрачилось» во время написания критического разбора его представления о природе ангелов.

Это мнение или, по выражению святителя Феофана, «новое учение», состоит в признании того, что природа ангелов и человеческой души обладает тонкой телесностью — незримой и неосязаемой, но регистрируемой физическими приборами⁷. Вышенский Затворник допускает, что духовные по естеству ангелы могут иметь тонкую вещественную оболочку. Но он отрицает какую-либо телесность, пусть и самую тонкую, в самом естестве ангелов, «потому что утонченность вещества не делает его невещественным».

Святитель Феофан не только доказывал ошибочность мнения святителя Игнатия, но и опасность выводов из него для современного общества, плохо знавшего православное вероучение и увлекавшегося далекими от Православия спиритизмом

⁷ Дословно святитель Игнатий называл природу ангелов и человеческих душ эфирной. Ученые того времени ввели представление об эфире для описания электромагнитных явлений.

и материализмом. С одной стороны, материальностью ангелов и человеческой души можно оправдать опыты спиритов и медиумов. С другой стороны, святитель Феофан обвинял «новое учение» в том, что оно «не указывает никакого критерия для различения значения слова дух при употреблении его в отношении к Богу и в отношении к душам и ангелам». И если в отношении ангелов и душ «дается ему значение только тонкотелесности невидимой, — мысль неопытная удобно может перенести такое значение и на Божеское естество», т. е. сделать вывод об отсутствии духовного бытия вообще.

Надо признать, что по этому вопросу святителем Феофаном не создавалась научная система. Тем не менее, полемика святителей обогатила богословскую науку как минимум постановкой вопроса, не относящегося к церковным догматам.

Думаю, что на основании имеющихся в настоящее время источников можно говорить именно о полемике вопреки распространённому мнению о том, что смерть святителя Игнатия лишила оппонентов возможности прийти к единому мнению по данному вопросу. Напротив, святитель Игнатий отстаивал свое мнение, для чего написал Прибавление к «Слову о смерти» после критического разбора этого сочинения. В 1865 г. он также выразил уверенность в своей правоте в личной переписке со святителем Феофаном, когда тот еще служил на Владимирской кафедре.

Однако писавшие в Вышу после смерти своего учителя последователи святителя Игнатия либо обвиняли епископа Феофана в том, что он пользуется молчанием почившего, либо пытались объяснить их разногласие использованием различных терминов для объяснения, в сущности, одного и того же понятия. Одним из сторонников такого примирения святителей был игумен Агафангел, переписка с которым относится к следующему периоду жизни Вышенского Затворника, которому будет посвящен пятый том «Летописи...». С его публикацией данный вопрос может быть изучен более основательно.

— *Расскажите о других находках в эпистолярном наследии святителя Феофана. Кому были адресованы его личные письма после удаления на покой? Какие черты его личности раскрываются в частной переписке этого периода?*

— Четвертый том «Летописи...» в значительной мере основан на частной переписке святителя. Количество официальных писем ничтожно мало по сравнению с объемом личной корреспонденции периода его проживания в Вышенской пустыни. Помимо более двух тысяч уже известных писем, был обработан массив ранее не публиковавшейся переписки святителя Феофана. К числу его постоянных адресатов отнесены две тамбовские помещицы Анна Федоровна Урнежевская и Агриппина Дмитриевна Тарбеева, и целые семейства: святитель переписывался с членами семей Степана Онисимовича Бурачка и княгини Надежды Ильиничны Кутушевой.

Письма к А. Д. Тарбеевой ранее были известны, но теперь они атрибутированы, как и письма к Варваре Александровне Иордан — супруге академика Федора Ивановича Иордан, ректора Императорской академии художеств. Атрибуция писем позволила вписать обращения святителя к частным лицам в контекст их биографических линий, а также в общую картину событий гражданской и церковной истории, и таким образом повысить достоверность и научную ценность публикуемых материалов.

Еще один интересный пример — письма игумену Тихону (Цыпляковскому). Прежде они публиковались как «Письма к о. Т.». Когда в «Летописи...» рядом с ними легли письма, адресованные афонскому иеромонаху Арсению (Минину), раскрылось подлинное имя адресата и дополнилась подробностями история его жизни. Вообще к афонским монахам выявлено немало новых писем святителя. Большая часть из них, как я уже сказал, касается книгоиздания, но некоторые посвящены духовным вопросам.

Прибыв в Вышу, епископ Феофан полностью прекратил про-

поведническое дело, и даже до начала затвора не обращался с церковного амвона. Вся душепопечительная деятельность Вышенского Затворника сосредоточилась в письмах, особенно с того времени, когда они стали единственной формой его общения с остальным миром. Он писал прежним знакомым и незнакомцам, известным деятелям и простым людям, о существовании которых нам сегодня известно только благодаря их переписке со святителем.

Подвижник считал своим долгом не лишать никого совета и утешения. В качестве примера можно привести письма епископа Феофана к духовной дочери Анисье Андреевне Шишковой. По благословению святителя она составляла акафисты, пользуясь его наставлениями. Ее муж — действительный статский советник, известный в свое время химик — Леонтий Николаевич Шишков — также прибегал к духовным советам святителя Феофана.

Существенную часть эпистолярного наследия Вышенского Затворника составляют письма родным. С юности святитель проявлял заботу о членах своей семьи. Ко времени его ухода на покой близких родственников было много. В основном это были священнослужители, преподаватели духовных и светских школ, их жены, дети и внуки. До последних лет жизни святитель интересовался их проблемами и участвовал в их судьбах, помогая советом и деньгами всем нуждающимся, особенно сиротам.

Изучение частной переписки святителя с церковными и государственными деятелями расширяет представление о спектре его интересов. В письмах он высказывается по многим актуальным для того времени событиям церковной, общественной и политической жизни.

Он, например, в переписке касается проходившей в 1877–1878 гг. русско-турецкой войне. По личному опыту зная угнетенное положение славян и Православия в Османской империи, он видел в этой войне борьбу за освобождение пра-

вославных. Он писал об этом дипломату А. В. Рачинскому еще до начала военных действий, между 1 ноября 1876 г. и 8 января 1877 г.

Не оставило равнодушным святителя и обсуждение в Синоде в то время проекта об изменении духовного суда. Его подчинение светскому судопроизводству святитель считал вредным для Церкви предложением.

Подводя итог, скажу, в «Летописи» впервые собрано такое большое количество писем святителя Феофана, и все они размещены в хронологическом порядке, что дает возможность составить единую картину его богословских и пастырских трудов в Вышенском уединении.

Изданный в таком виде весь комплекс документов и трудов святителя Феофана, как и приведенные публикации о нем, полезны не только ученым, но и простым нашим современникам, интересующимся его наследием независимо от положения и духовного возраста. В собранных материалах каждый сможет найти советы для себя лично, что применимо жизни сегодня. Пусть в его время не было современных гаджетов и средств связи, но любому, ищущему спасения, будут понятны его наиздания.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. АРПМА. Ф. Свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 41. Ед. хр. 4327.
2. ИР НБУ. Ф. 160. Ед. хр. 1965.
3. ИР НБУ. Ф. 160. Ед. хр. 1987.
4. Климент (Капалин Г. М.), митрополит Калужский и Боровский. Переписка святителя Феофана со строителем Саровской пустыни иеромонахом Серафимом (Пестовым) по материалам Центрального государственного архива Республики Мордовия // Труды по русской патрологии. Вып. №1. Калуга, 2019.

-
5. ОР НИОР Ф. 172 (МДА). К. 232. Ед. хр. 3.
 6. Письма епископа Феофана к редактору журнала «Душе-
полезное Чтение» протоиерею В. П. Нечаеву 1872-1892 г. \\
Душеполезное чтение. 1909. Ч. 3. Декабрь.
 7. Письма Преосвященного Феофана Затворника \\ Душе-
полезное чтение, 1903. Ч. 3.
 8. Письмо № 396 от 3 марта 1873 \\ Творения иже во свя-
тых отца нашего Феофана Затворника: собр. писем. Свято-
Успенский Псково-Печерский монастырь; Паломник, 1994.
Вып. VI.
 9. Пояснительные и поучительные заметки на 33-й пса-
лом // Тамбовские епархиальные ведомости. 1869. № 1.
 10. ЦИАМ. Ф. 2355. Оп. 1. Ед. хр. 264.

**В Издательском совете прошла научная конференция
«Жизнь и труды святителя Феофана Затворника
в истории и современности».**

16 июня 2021 года в Издательском совете Русской Православной Церкви под председательством митрополита Калужского и Боровского Климента в дистанционном формате состоялась научная конференция «Жизнь и труды святителя Феофана Затворника в истории и современности».

Главной темой конференции стала «Интертекстуальность в трудах святителя Феофана Затворника». В работе приняли участие архиереи Русской Православной Церкви, члены Научно-редакционного совета по подготовке Полного собрания творений святителя Феофана, Затворника Вышенского, а также богословы, патрологи, историки, филологи, архивисты.

Открывая конференцию, митрополит Калужский и Боровский Климент рассказал об истории термина «интертекстуальность», который был предложен французским философом Юлией Кристевой для анализа текстов, напомнил о концепте «диалога между текстами» русского культуролога Михаила Бахтина. Владыка Климент подчеркнул, как важно исследовать контекст создания богословских трудов святителя Феофана. Архиерей отметил, что Вышенский Затворник очень хорошо знал Священное Писание и переключка со Священным Писанием была основной канвой его творений, писем и проповедей.

На конференции прозвучали следующие доклады:

— митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий — «Интертекстуальность в первом слове святителя Феофана Затворника о пожарах в Тамбовской губернии»;

— епископ Питирим Скопинский и Шацкий — «Три слова свт. Феофана Затворника на Пятидесятницу. Эволюция проповеднического мастерства — от академической сложности к евангельской простоте»;

— архимандрит Зосима (Шевчук) — «Взгляды святителя Фе-

офана Затворника на науку и его влияние на развитие научной мысли»;

— игумен Лука (Степанов) — «Святое Причастие в жизни и учении святителя Феофана Затворника»;

— иерей Евгений Игнатов — «Проповеди святителя Феофана, которые он произносил экспромтом»;

— заведующий кафедрой Богословия и библеистики Владимирской духовной семинарии, кандидат философских наук Абрамов Александр Вячеславович, «Обзор второго тома „Летописи жизни и творений святителя Феофана, Затворника Вышенского“»;

— главный хранитель фондов ОР РГБ Чудинов Дмитрий Александрович, «Книги из келейной библиотеки святителя Феофана Затворника в ОР РГБ»;

— аспирант, преподаватель СПбДА Иванов Павел Константинович, «Проблематика устройства человека и пути его духовно-нравственного становления в трудах свт. Феофана Затворника»;

— студент пропедевтического курса Екатеринодарской духовной семинарии Старостенко Сергей, «Параллельные места в „Древнем Патерике“ и в „Митериконе“ в переводе святителя Феофана Затворника».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Г. М.) — кандидат богословия, доктор исторических наук, Председатель Издательского совета Русской Православной Церкви, ректор Калужской духовной семинарии
e-mail: mit.kliment@yandex.ru.

Епископ Скопинский и Шацкий Питирим (Творогов К. В.)
e-mail: skopin.eparhia@gmail.com.

Иерей Евгений (Игнатов) — заместитель руководителя миссионерского отдела Екатеринодарской епархии, клирик храма Архангела Михаила г. Краснодара
e-mail: aksalan@mail.ru.

Абрамов А. В. — кандидат философских наук, заведующий кафедрой богословия и библеистики Владимирской Свято-Феофановской духовной семинарии.

Лукьянова А. Е. — эксперт Научно-редакционного совета по изданию Полного собрания творений святителя Феофана, Затворника Вышенского Издательского совета Московской Патриархии, член Историко-родословного общества (г. Москва).

Чудинов Д. А. — главный хранитель фондов Отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

Чесноков М. А. — студент IV курса философско-богословского факультета РПУ св. Иоанна Богослова.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Metropolitan Kliment of Kaluga and Borovsky (Kapalin G. M.) — candidate of theology, doctor of historical sciences, chairman of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church, rector of the Kaluga theological seminary.
e-mail: mit.kliment@yandex.ru.

Bishop Pitirim of Skopin and Shatsky (Tvorogov K. V.)
e-mail: skopin.eparhia@gmail.com.

Priest Evgeny (Ignatov) — deputy head of the Missionary Department of the Ekaterinodar diocese, cleric of the Archangel Michael Church in Krasnodar
e-mail: aksalan@mail.ru.

Abramov A. V. — candidate of philosophical science, head of the theology and biblical studies department of St. Feofanov's Vladimir Theological Seminary.

Lukyanova A. E. — Expert of the Scientific and editorial council for the publication of the complete collection of the works of St. Theophan, the Recluse of the Vyshensky (Publishing council of the Moscow Patriarchate), a member of the Historical and genealogical society (Moscow).

D. A. Chudinov — Chief curator of the collections of the Department of manuscripts of the Russian state library.

Chesnokov M. A. — 4th year student of the Philosophical and theological faculty of St. John Theologian university.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В БОГОСЛОВСКО-ИСТОРИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ

Общие требования к публикациям

В начале статьи с выравниванием по центру на русском языке указываются с красной строки:

- Номер по Универсальной десятичной классификации (УДК)
- Название статьи (строчными буквами)
- Инициалы и фамилия автора
- Название организации, в которой выполнялась работа (первого автора)
- e-mail автора
- Краткая аннотация (900–1000 печатных знаков)
- Ключевые слова (3–5).

Далее через два пробела в той же последовательности информация приводится на английском языке.

Статья должна содержать:

- краткое введение
- цель исследования
- материалы и методы исследования
- результаты исследования и их обсуждение
- выводы
- заключение
- список литературы на русском языке, а также список литературы на латинице.

Сам текст должен начинаться с вводной части в проблему исследования, включающей в себя обзор существующих работ по этой теме. Затем определяются направления научных исследований, формулируются гипотезы, анализируются результаты, делаются практические выводы и их практическая применимость.

В процессе написания статьи следует внимательно относиться как к цитированию чужих работ, так и к библиографическому списку, помещенному в конце статьи. Этот список не должен быть очень большим (желательно не более 15 источников), и в нем должны быть указаны только те работы, на которые есть ссылки в тексте.

Текстовый редактор	Microsoft Word
Поля	верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см
Основной шрифт	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пунктов
Межстрочный интервал	одинарный
Выравнивание текста	по ширине
Абзацный отступ (красная строка)	1,25 см
Нумерация страниц	не ведется
Рисунки	внедрены в текст. Каждый рисунок должен иметь подпись (под рисунком)
Ссылки на литературу	в квадратных скобках и с указанием страницы (для пе- чатных изданий) [1, с. 2] в со- ответствии с пристатейным списком литературы, кото- рый составляется в алфавит- ном порядке
Объем	минимум 5 страниц
Оформление списка литературы	ГОСТ Р 7.05-2008

ББК 86.372
УДК 271.2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
КАЛУЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
ТРУДЫ ПО РУССКОЙ ПАТРОЛОГИИ

Компьютерная верстка Крупина М. В.
Корректор Шаибова Т. К.

Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования «Калужская духовная семинария
Калужской Епархии Русской Православной Церкви»

Формат 60*90/16 Тираж 500 экз.

Адрес редакции:
248000
город Калуга, Набережная, дом 4
Калужская духовная семинария
Калужской Епархии РПЦ

ISSN 2658-5278

© Калужская духовная семинария
© Калужское епархиальное управление